

ЕВГЕНИЙ СУВОРОВ

СИБИРИАДА

НЕ ПЛАЧЬ, ЯСТРЕБ

Сибиряда

Евгений Суворов
Не плачь, ястреб

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Суворов Е. А.

Не плачь, ястреб / Е. А. Суворов — «ВЕЧЕ»,
2026 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-5921-4

Сборник произведений иркутского писателя Евгения Суворова (1934—2009) посвящен русской деревне. Повесть «Соседи» впервые была издана в Москве с предисловием Виктора Астафьева. Другая повесть — «Совка» — была высоко оценена Валентином Распутиным. «Эту повесть Евгения Суворова читаешь с постоянным и радостным ощущением тайны, которая присутствует и в окружающем нас мире, и в нас», — писал он. В повести «Не плачь, ястреб», по мнению критиков, Евгений Суворов пошел дальше многих пишущих о деревне, открыл такие ее глубинные пласты, которых вовсе не касалось писательское перо. Также в сборник включены избранные рассказы.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5921-4

© Суворов Е. А., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Повести	6
Соседи	6
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Евгений Суворов

Не плачь, ястреб

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2026

* * *

Повести

Соседи

Суворовой Тамаре Тимофеевне

1

Александре Васильевне захотелось пить, и она проснулась. Осторожно, чтобы не разбудить Петра Ивановича, перелезла у него в ногах, ступила на самодельный коврик и, окончательно просыпаясь, пошла тяжело на кухню.

Кружка под руку не попадалась. Тогда она взяла со шкафчика стакан, зачерпнула воды. Напившись, поставила стакан рядом с ведром и посмотрела в окно. Скользнув взглядом по звездам, мерцавшим на той стороне болота над лесом, увидела в белом лунном свете крыльцо и угол террасы, изгородь, которая заканчивалась длинными воротами с двумя высокими столбами со снимавшейся перекладиной; из-под горы виднелся верх колодезного журавца. Справа от тропинки, ведущей к колодцу и бане, росла картошка, и эта половина огорода казалась ночью вспаханной; другая половина светлее – там был покос, на краю которого всегда на одном и том же месте чернел зарод. Снизу, от колодца, медленно поднимался человек. Он сделал несколько шагов и остановился на тропинке шагах в пятидесяти от ворот. Теперь он стоял неподвижно, и Александре Васильевне казалось, что он видит ее.

Боясь пошевелиться, она негромко позвала мужа. Не дождавшись ответа, медленно отступила от окна, подошла к кровати, растолкала Петра Ивановича.

– Встань-ка, старик.

– В чем дело? – спросил он, не собираясь вставать с постели. Ему всегда стоило немалых трудов уснуть, и он был недоволен, что его разбудили. – Ложись-ка ты лучше спать, – сказал он и подвинулся к стенке.

– Кто-то на огороде. Встань посмотри.

Александра Васильевна вдоль стены подкралась к окну, взглянула на пригорок: человек стоял все на том же месте, а может, подошел чуть-чуть ближе. Не помня себя, она вернулась к Петру Ивановичу.

– Близко стоит.

Хрустнув коленями, он сел на край постели, громко зевнул, пытаясь в это время что-то сказать. Глянул вниз, отыскивая свои огромные тапочки, увидел, что Александра Васильевна стоит на полу босыми ногами.

– Ты что босиком ходишь? Где тапочки? – строго спросил Петр Иванович. Свои он уже надевал.

– Чего ты копаешься? – все так же шепотом торопила Александра Васильевна.

Он сказал жене лезть в постель и греть ноги, а сам, жалея, что ему перебили сон, пошел на кухню. Александра Васильевна шла за ним следом.

Он подошел к окну, наклонился, его лоб едва не касался стекла, и долго смотрел на пригорок, где, по словам жены, стоял человек. Там никого не было.

Петр Иванович приглядывался к каждой тени у ворот и забора, обследовал взглядом крыльцо и угол террасы, но ничего подозрительного не увидел. Александре Васильевне каза-

лось: пока они стоят и смотрят, кто-то выставляет окно в большой комнате или стоит сбоку от окна на завалинке и ударит сейчас по стеклу...

Луна вырвалась из облаков, осветила темный закоулок и снова катилась своей дорогой – к сосновому лесу, темным островом стоявшему сразу за деревней.

Как будто сожалея, что ничего не удалось рассмотреть, Петр Иванович вздохнул, отошел от окна и сказал:

– Чудишь, старуха.

Все еще боясь громко говорить, Александра Васильевна вполголоса сказала:

– Стоял на тропинке.

– Кто?

– Человек.

Кажется, он поверил Александре Васильевне, и ей сделалось страшно. Она прошла впереди Петра Ивановича, села на стул возле кровати и уронила лежавший на краю стула портсигар, на крышке которого чьей-то искусной рукой был выгравирован орден Отечественной войны. На внутренней стороне крышки читались слова: «Девятого мая – День Победы». Орден пообтерся, но зато слова о победе казались вырезанными будто вчера.

Упавший портсигар отвлек немного Александру Васильевну от того, что она видела человека, поднимавшегося по тропинке, а затем стоявшего и смотревшего на дом Мезенцевых. Она старалась убедить себя, что опасаться нечего, что страх ее преувеличен, что здесь, по-видимому, прав Петр Иванович и что она зря его разбудила.

– Это ж надо – ночью ходить! – проговорила она, держа в одной руке портсигар, а в другой – старую шерстяную кофту, которую только что взяла со спинки кровати.

– Ты что, спать не собираешься? – сказал Петр Иванович. Он сел на кровать и, чтобы успокоить жену, высказал предположение: – Знаешь, что я думаю: это парень с девчонкой сухари сушат!

– Какие тебе сухари, – взглянув на стрелки будильника, ответила Александра Васильевна. – Три часа ночи.

Он хотел закурить, но Александра Васильевна остановила его:

– Не закуривай, видно будет с улицы.

Петр Иванович подержал в зубах папиросу и снова положил в портсигар. Он и сам не верил в свое предположение: женихов и невест в деревне, можно сказать, не было. Разве что крутил любовь кто-нибудь из старшеклассников? В их краю старшеклассников только двое: сын Петра Ивановича, Володя, и Коля Лохов. Володя спал в своей комнате. Двери в комнату были открыты, и оттуда доносилось сонное Володино дыхание.

В соседнем дворе громко залаяла собака. Петр Иванович оделся, сунул в карман папиросы и спички, вышел на улицу.

Он пригляделся, первое неприятное ощущение, что кто-то неожиданно нападет на него, исчезло. На загоне тяжело отдувалась плотно наевшаяся за день корова, хрюкали полугодовалые поросята.

Под сараем он сел на широкую сосновую чурку. Хотелось курить. Он нащупал в портсигаре смятую папиросу, которую ему не удалось выкурить во время разговора с Александрой Васильевной, ощутил особенный вкус приплюснутого папиросного мундштука, когда папироса еще не зажжена, торопясь, как будто опять кто-то помешает, достал спички, быстро прикурил. Чтобы не спугнуть, если кто-то ходит около дома, Петр Иванович держал папиросу в полусогнутой ладони огоньком к себе.

Сидеть под сараем надоело. Он заплевал окурок, который давно погас, носком сапога вдавил его в землю. Смирившись с тем, что сон окончательно разбит, что теперь все равно долго не уснуть, Петр Иванович решил еще немного понаблюдать за огородом.

Он подумал, что ничего в том особенного, если он дойдет до колодца и бани и взглянет, все ли там в порядке. Если забрела в капусту чья-нибудь корова, то это плохо не только тем, что она кочаны попортит, а еще и тем, что объелась на огороде Мезенцевых. А если так, Петр Иванович сделает сразу два хороших дела: спасет капусту и корову.

Он бы сразу спустился к колодцу и бане, посмотрел бы, как это делал раньше, и давно бы лежал в постели, рассказывая, какая сегодня ночь, но вспомнил перепуганный вид Александры Васильевны и не торопился идти к колодцу. Он снова шагнул в тень сарая, привалился спиной к столбу, около которого любил заниматься физзарядкой и его старший сын, и стал смотреть на огород, на небо и звезды над тропинкой, вспоминая, какие упражнения чаще всего делал Ваня.

Эта привычка осталась у Вани от артиллерийского училища с 1941 года... Закончить училище сыну не удалось: курсанты были брошены под Сталинград. Скоро от артиллерийского полка, в который было переформировано училище, осталось два человека: старший сержант Мезенцев с Белой пади и командир полка.

«Дурак немец! – рассказывали после войны белопадские мужики и парни. – Стреляет по ногам!»

Все взрослое мужское население Белой пади, оставшееся в живых, как правило, было ранено в ноги.

Военный врач сказал Ване, что хромота останется на всю жизнь. Ваню это не устраивало, и он, забросив в амбар сначала один костыль, потом другой, оставшись с палочкой, начал упорно заниматься около столба упражнениями, которые, на первый взгляд, были ему не под силу. Падая, Ваня хватался за столб и снова, как казалось Петру Ивановичу, продолжал издевательство над собой. По багровому Ваниному лицу катились струйки пота. Петр Иванович не выдерживал и отворачивался...

На следующий год, весной, Ваня забросил тем же порядком, в амбар, березовую палочку и не без скандала добился, чтобы его поставили тракторным учетчиком.

Колхоз «Победа Сталинграда», как будто нарочно названный в честь Вани, состоял из одной бригады, учетчикам – ни полеводческому, ни тракторному – коня не полагалось. Если бы Ване как-нибудь дали коня, он бы все равно от него отказался. Ни верхом, ни на телеге ездить ему нельзя было: проедет, потом хоть плачь, не ступить на раненую ногу. С саженью, хромающим по полю, видели его то в Манхаихе, то в Листвяках, то на Татарской заимке...

Предупредив Александру Васильевну, Петр Иванович прошел к колодцу и бане и вернулся в ограду. Взглянув на черные окна, поблескивающие от лунного света, он подумал, что надо идти в дом, а то будет переживать старуха. Вдохнул, насколько хватило легких, свежего осеннего воздуха, к которому примешивались речные и болотные запахи, особенно сильные ночью. С той стороны болота, от леса, донеслись уже не такие слабые, как это было вначале, когда он вышел на улицу, предрассветные голоса птиц, услышал, как будто кожей почувствовал, как прошелестел черемуховый куст, свесивший половину ветвей в соседний огород.

Отвлечшись от куста, Петр Иванович увидел стоявшего на тропинке человека.

Что за чушь! Зablудился кто-нибудь? Но почему он так странно ведет себя? Зablудившийся человек прошел бы по огороду, открыл ворота, постучал бы в окно... А этот... ему что-то другое нужно...

Прошла минута, другая... Человек не сдвинулся с места.

Луна ярче осветила пригорок, и Петр Иванович заметил, как человек переступил с ноги на ногу или сделал шаг назад.

Может, ему надоело стоять и смотреть, и он переступил с ноги на ногу или сделал шаг назад по этой причине? Или он был недоволен, что луна ярко осветила его.

Длинная цепь облаков, дымясь, старательно закрывала диск луны, стало темнее, будто кто-то невидимый вывернул фитиль гигантской ночной лампы. Человек продолжал стоять все на том же месте.

Петр Иванович нарочно негромко кашлянул. Человек быстро спустился вниз.

Петр Иванович постоял, размышляя, что бы это могло быть такое, искурил папиросу, глядя все это время на пригорок, и по высокому крыльцу медленно стал подниматься на террасу.

С террасы он еще понаблюдал за огородом – никто больше не появлялся – и ушел в дом, закрыв на крючок обе двери.

2

Стадо коров разбрелось по лесу вдоль болота. Путь от Среднего хребта коровы проделали быстро и паслись теперь сразу за мостом. Чтобы стадо не прорвалось в деревню, Яков Горшков стоял на мосту и время от времени хлопал бичом на коров, выходявших из леса.

Дементий Лохов завернул коров, направлявшихся к Харгантуйскому мостику, по которому можно войти в деревню с другого конца, и вспомнил, что надо прутьев нарезать, а то из-за метлы опять дома ругань будет. Перед высокой колодиной, заросшей сочной зеленой травой, слез с коня, привязал его к тоненькой березке. Рыжий конь с белой звездочкой на лбу нетерпеливо взмахивает хвостом, резко вздрагивает, отгоняя жадных паутов и слепней, и тянется к траве. Дементий медленно ходит среди высоких кочек, выискивая тонкие березовые прутья и лозины, срезает их.

Отсюда, с болота, хорошо видно деревню. С пучком прутьев Дементий застывает среди черных обугленных берез, ему кажется: это какая-то другая деревня, а не Белая падь. Он отыскивает дом учителя и смотрит, смотрит до слез в глазах. Прогоняя слезу, часто моргает – дом учителя теряет очертания, колеблется и снова делается похож на крепость.

Этот дом, высокий, огромный, с красноватой железной крышей и водосточными трубами, давно притягивает к себе Дементия, так давно, что Дементию порой кажется, что это было всегда. Издалека видно высокое крыльцо, ведущее на террасу. Дементий представил, как он стоит на террасе, смотрит на Школьный лес, подступивший к заборам, на песочные ямы, густо заросшие молодым сосняком, – там пахнет смолой, красными муравьями, белой и желтой ромашкой, засыхающей на полянах, разбросанных вокруг песочных ям.

Первые крупные капли дождя заставляют его взглянуть на диковинную тучу, нависшую над тайгой. Ветра нет, и туча надвигается на чистое небо медленно, почти незаметно.

Пастухи пригнали коров в деревню.

Туча все так же медлит, как будто ждет, когда люди спрячутся в домах. Делается темно, хотя солнце еще не закатилось. Не желая прибавлять шагу, Дементий с тревогой поглядывает на небо. Дождь настигает его перед самым домом.

Поднявшись на крыльцо, Дементий поворачивается лицом к дождю, трогает пиджак и штаны, удивляется, что за короткое время, пока шел от ворот до крыльца, промок до нитки. Навес над крыльцом узкий, дождь захлестывает на самое крыльцо.

В сени с пустым ведром вышла Арина. Она сердито посмотрела на мгновенно побежавшие ручьи по ограде, затем на мужа.

– Дождя не видел, стоишь? Лезь на чердак! Ведро к трубе поставишь, а то избу затопит.

Дементий взял ведро и по тоненькой шаткой лестнице полез на чердак. Арина старательно поддерживала лестницу. Ухватившись обеими руками за потолочные плахи, Дементий крикнул вниз:

– Залез!

Арина не отходила от лестницы и все время смотрела, когда появится Дементий. Наконец он подошел к темневшему чердачному проему, нагнулся, чтобы увидеть, на месте ли Арина.

– Крепче держи, буду спускаться!

– Держу, – ответила Арина, переживая, чтобы Дементий, чего доброго, не загремел с лестницы. Вдохнула спокойно, когда он коснулся ногами пола.

– Когда лестницу сделаешь? – спросила Арина.

Дементию кажется: и крыша и лестница могут еще подождать – не каждый же день льет такой дождь!

В сенях Дементий переоделся в сухое, зашел в избу. Арина с разнесчастным видом сидела на лавке, скрестив руки. Ее голова и плечи отражались в большом зеркале, висевшем на стене. В зеркале Арина показалась Дементию еще более согнутой и несчастной. «Что-то есть, – подумал он, – иначе бы Арина не придиралась так с крышей и лестницей».

– Что-нибудь Коля сделал?

– Садись.

Дементий опустился на другой конец лавки.

– Что он сделал?

– А ты как думаешь, что он сделал?

– Я весь день в лесу.

– Учиться не хочет, вот что сделал!

– Где он?

– Ушли куда-то с Володей. Володя тоже бросил.

– Не может быть! – не поверил Дементий.

Поужинали. Коли не было. Дементий хотел сходить к Мезенцевым, но Арина отговорила его.

Ночью проснулся Дементий не от того, что дождь стучит по его деревянной крыше, ударяет в окна, – проснулся Дементий от того, что услышал, как звонко идет дождь по учительской крыше и потоками стекает вода по трубам.

Он поднялся с постели, надел брезентовый плащ с капюшоном и будто бы за нуждой вышел на улицу. У колодца свернул, прошел вдоль гряд, перелез через низенький забор в школьную ограду. Здесь его никто не видит... К школе дом стоит северной стороной, в этой стене Дементий не прорубил ни одного окна – зачем, только холод зимой напускать?

Дементий открыл запертую изнутри школьную калитку, окованную резным листом железа, оглянулся в обе стороны на дорогу – никого нет. Стоять под аркой ворот удобно: дождь не мочит!

Таких ворот мало осталось, рассуждал Дементий, новые ворота хозяева строят неосновательно, так себе, тяп-ляп – и готово! Не то что арки, иногда и совсем ворот никаких нет, жердинами наспех загородят и прыгают через них, как козы. Другое дело – дом учителя: учитель живет в бывшем кулацком доме. Такой дом, кроме школы, один на всю деревню. Достался Мезенцевым. И не такой великий грамотей учитель, а только и слышно в деревне: «Петр Иванович, Петр Иванович...»

Открылась в тридцатых годах начальная школа в Белой пади. Временно сделали Мезенцева учителем. И вот учит он год за годом, а снимать его никто не собирается. И как-то привыкли к тому, что Петр Мезенцев – учитель. Петром даже самые близкие знакомые называть стеснялись, да и понимали: нельзя!

Была полночь, окна в домах ни у кого не горели. Дождь стих, и Дементий, бросив свой наблюдательный пост, решил пройти по деревне. Дорогу расквасило, он шел вдоль забора и тына по траве. Остановился около учительского амбара, из которого доносился на улицу разговор. Он сразу же узнал голоса: говорили Коля с Володей. Чей-нибудь голос смолкал, и тогда слышался крепкий хруст огурца.

«Не спят, черти!» – подумал Дементий, снимая капюшон. Ему хотелось крикнуть: «Коля, марш домой!», но что-то удерживало его. Он постоял, послушал, слов разобрать нельзя было.

От амбара он хотел повернуть домой, чего блудить по дождю, но какая-то сила, как бы Дементий ни противился ей, заставляет его подойти к дому учителя.

Окна на улицу закрывали густо разросшиеся кусты черемухи, дикой яблони и рябины. Дементий открыл калитку, шагнул в палисадник и остановился, боясь затронуть сплошные ветви и листья, переполненные водой. С листьев и ветвей капало, мокрый сад отражался в стеклах. Ветви покачивались, вздрагивали... Сколько этой черемухи, яблони и рябины пере-видел Дементий в лесу, и – ничего особенного! Почему же сейчас хочется смотреть на них?.. Не в том ли причина, что растут они около дома? Он не разглядел и наступил на изогнутый ствол черемухи – и его сразу же обдало как из ведра. Дементий смахнул с лица капли и неподвижно, как привидение, продолжал стоять среди толстых черемуховых стволов.

Зачем он здесь? Этого Дементий и сам не знал. Может, он представлял, что он уже в своем саду, что-нибудь оставил, например, топор или лопату, и пришел взять, чтобы не мокло под дождем? Осторожно обойдя черемуховый ствол, Дементий выбрал сухое место – в углу палисадника, под крышей. От угла дома его отделял зубчатый штакетник и маленькая калитка, которую – странное дело! – он закрыл на крючок, когда входил в палисадник. И тут же ему стало понятно, зачем он ее закрыл: калитка была маленькая, аккуратная, ее было приятно открыть, и с той же приятностью Дементий закрыл ее, хотя, казалось бы, ее нужно было оставить открытой, чтобы лишний раз не скрипнуть или не звякнуть крючком. Калитка открылась и закрылась бесшумно, не издал никакого звука крючок, и Дементию еще раз стало приятно, что бесшумная калитка как будто была заодно с ним!

Он услышал, как в двух шагах от него, переливаясь, позванивала вода, и устремил взгляд на водосточную трубу. Где заканчивалась труба снизу, он не мог разглядеть – мешали темнота и штакетник – да это и не нужно было: Дементий и так хорошо помнит, на какой высоте от земли водосточная труба! Считай, каждый день смотрит! Такая же труба и на другом углу дома, только ее не видно из-за деревьев...

До слуха Дементия долетали то смех, то возгласы ребят из амбара. Они ему не мешали, даже, наоборот, подбадривали... Он уловил какой-то лесной запах и сразу же узнал его: пахло смородиной. Несколько кустов дикой смородины перекочевали под окно к Мезенцевым много лет назад. Кусты состарились, засохли, но в глубине палисадника в тени росло несколько молодых побегов.

Дементий вспомнил, как Мезенцевы садили под окном черемуху и смородину. Наклонившись тогда на гладко обтесанную верхнюю жердь палисадника, Дементий смеялся: «Петр Иванович, ребятишки тебе только мешают!» Так, казалось, оно и было: не успел учитель оставить лопату, чтобы поговорить с Дементием, как за нее, крича и ссорясь, уцепились трое младших сыновей Петра Ивановича и самая младшая из дочек – белая, пухлощекая, похожая на подберезовик. Куча-мала нисколько не смутила учителя, ему даже нравилось, что именно его лопатой хотят работать сразу четверо детей. Порядок Петр Иванович навел быстро, как в классе. «Где тишина? – спросил он у ребят. – Коля, Алеша, Юра! Вам не стыдно отбирать лопату у Нины?» Счастливая, не успевшая отрасти от земли, Нина старается поддеть лопатой перемешанную с зерном и навозом землю, принесенную с маленького огородчика от бани.

Дементий тоже садил под окном черемуху. Детей отгонял, помогала только Арина. Временно загородил молоденькие деревца жердинками: где на гвоздь прибил к углу дома, где привязал на веревочку или на проволоку. Свиньи залезли и все выкопали...

Выйдя из палисадника, Дементий взглянул на крышу – и сердце его замерло от восторга: блестит железная крыша, как будто радуется, что идет дождь! Не надевая капюшона, а только поправив кепку с длинным козырьком, он, обходя лужи, пошел домой. Смолкнут в амбаре голоса – он остановится, заговорят Коля с Володей – он снова идет по грязи, вынимая из нее сапог медленно, чтобы не слышали ребята.

Арина спросила, куда ходил Дементий. Он не ответил. Разделся, лег на Колину кровать и, сколько ни старался, не мог заснуть. Опять, как раньше, стал думать, в чем он хуже Петра Ивановича. Народили они с Ариной восьмерых детей: пять сыновей и три дочки! У Петра Ивановича на одного меньше, так что... количеством Дементий козырнуть не может – что семь, что восемь, считай, одинаково. У Петра Ивановича шестеро позаканчивали техникумы, институты, и седьмой... не остановится же он, пойдет дальше. А у Дементия, которого не возьмешь – четыре класса, пять классов! Вот разве что Коля...

В одном Дементий одинаков с Петром Ивановичем: и у того и у другого жены – колхозницы. Была учителя жена уборщицей в школе, так и Дементьева жена в этой же школе была уборщицей. Много лет у Петра Ивановича было две коровы, до четырех свиней, птица, гектар огорода. И у Дементия то же самое. Мяса у Дементия даже больше было: дикая козлятина зимой и летом; прибавь к этому глухаря, утку, рябчика... Зато у Петра Ивановича сладостей было больше – на деньги работал. Конфет закупит, баранок, печенья... Про сахар что и говорить, не выводился. И еще мода была в доме учителя: сам в ботинках с калошами ходит, и все дети – и ребята и девчонки!

Но вот если завести учителя километров за двадцать в тайгу, в такие места, где одни звериные тропы, то он оттуда сразу не выйдет, поплутает. А Дементий пройдет половину дороги с закрытыми глазами! Ружья в руках учителя Дементий не видел лет тридцать, это тоже роняет учителя в глазах таежного человека. Но вот уж что правда, то правда: учителя хлебом не корми, дай только по грибы сходить! Где какой гриб растет, учитель знает в доскональности. Но гриб, считает Дементий, бабье дело, за грибами он не пойдет, отправит жену или ребяташек.

Завтра, а теперь уже можно считать – сегодня, Дементий пойдет к учителю. Раньше он и тогда мог пойти к нему, когда идти, казалось, совсем не к чему. А он возьмет и пойдет. Просидит весь вечер молча, только слушает, и уйдет недовольный. Чего приходил Дементий, непонятно.

Учитель таким заходам Дементия не удивлялся и воспринимал их приблизительно так же, как вот этот неурочный дождь: ни полям, ни огородам он не нужен, а сыплет и сыплет, и что с того – хочешь ты этого дождя или не хочешь, не перестанет же он.

Бывало и по-другому: размечтается Дементий, почувствует себя наравне с учителем, и проговорят они до полночи. Не всегда эти беседы устраивают Дементия: выпорить у Петра Ивановича ему никогда не удастся. Обида оседает в душе Дементия, копится, как пыль на дороге. Что и говорить, голыми руками учителя не возьмешь. А Дементию так хотелось положить его на лопатки, прижать как следует и посмотреть, что запоет учитель!

3

К утру дождь перестал. Ведро на чердаке было полным – один бок у печи мокрый, известка взбухла, на кухне стояла лужа. В сенях крыша была худее, и на полу у порога можно было пускать кораблики. Собирая воду большой тряпкой, Арина размахнулась и вымыла целиком в сенях, на кухне, а заодно и в избе.

Вернувшись с улицы, Дементий сказал, что коров сегодня Яков погнал один, и сел бриться.

Он долго водил бритвой по черному, загорелому лицу, трогал щеки и подбородок, оставался недоволен – бритва была старая и тупая. Правил ее на широком армейском ремне и, снова морщась, ругая бритву, скреб по третьему и по четвертому разу непробритые места. Кадык у Дементия огромный, с петушиную голову, и тут Дементий проявлял немало виртуозности, чтобы не порезаться.

Побрившись, налил в ладонь одеколону, не глядя в зеркало растер лицо, и оно сразу вспыхнуло, загорелось, – Дементий помолодел лет на пять. Расчесал, тоже без зеркала, сильно побелевшие, но еще густые, слегка курчавые волосы.

За столом Арина бросает на мужа короткие взгляды, безразличным голосом спрашивает:
– К Петру Ивановичу пойдешь?

Арина как будто недовольна, что Дементий пойдет к Петру Ивановичу, но говорит совсем другое:

– Сходи, может, посоветует что-нибудь. Колю домой посылай! Не вздумай там драться с ним!

На крыльцо Дементий выходит с некоторой торжественностью: этому помогают и горячий луч солнца, скользнувший в сени, и свежее, выбритое лицо, и диагональный костюм, которому лет десять, а он все еще как новый. Бодрости Дементия не могут омрачить ни целое озеро воды у самого крыльца и у ворот, ни то, что чужие свиньи гуляют по ограде, как у себя дома. Он занят сейчас одним: как придет к учителю, как тот встретит его, как они будут говорить.

Выбравшись по доскам из ограды, Дементий задержался у ворот: оглушая деревню, разбрасывая веером жидкую грязь, к дому Лоховых подошел темно-синий ДТ-54. Трактор новенький, кажется, что он посинел от большой скорости и оглушительного рычания. Из кабинки с Дементием поздоровался его старший сын Сергей.

– Ко мне? – спросил он у отца.

– Нет. К Петру Ивановичу схожу.

– Ну, ладно. А то бы на тракторе довез.

– Что у тебя сегодня за работа? – глядя не на Сергея, а на трактор, спросил Дементий.

– За тесом в Муруй надо съездить.

– В Хорге утонешь.

– Вылезу.

– На новом тракторе хорошо заработаешь, – сказал Дементий, чтобы сказать сыну что-нибудь приятное.

– Должен бы, – ответил Сергей, довольный не только тем, что хорошо заработает, но и тем, что именно ему дали новый трактор.

– Зайдешь? – спросил Дементий.

– Поздороваясь. Все хорошо?

– Коля барахлит.

– А что он?

– Учиться не хочет.

– Что его – жареный петух клюнул? – Сергей вылез из кабинки, посмотрел на окна отцовского дома, сдвинул на затылок кепку, которая держалась теперь на копне курчавых волос. – Ты вот что, отец: за ремень или за утюг не хватайся, поговори с ним по-человечески, парень он неглупый, поймет. И я с ним потолкую.

Замечание насчет ремня и утюга покорило Дементия, заморгал припухлыми красноватыми веками, приглядываясь к Сергею, он сказал:

– А что, с вами я по-человечески не говорил?

– Ремень часто ходил по спине! Как станешь гонять, бежали босиком по снегу кто куда! – Сергей захохотал.

– Зато людьми выросли.

– Как сказать...

– А что тебе не нравится?

– Так бы ничего, грамотешки, отец, не хватает. Сейчас, сам знаешь, с четырьмя классами далеко не ускачешь.

– Может быть, – согласился Дементий.

– А белобрысый как?

– Так же, как и наш. Пойду к Петру Ивановичу, расскажет.

Сергей, как будто довольный, что Коля не один куролесит, а с сыном учителя, взглянул на дом Мезенцевых, утопающий в зелени, и сказал:

– Ну, там будет кино поинтереснее!

Сергей вступил на прогибающуюся, хлюпающую по воде доску. Пройдя по ней, не стал перешагивать на вторую, свернул к завалинке, взял две доски потолще, бросил их к крыльцу.

Дементий дождался, когда Сергей зайдет в избу, и, аккуратно ступая по грязи, пошел к Мезенцевым. В ограде у Петра Ивановича как будто и дождя не было, который прошел ночью, – были лужи, но по ним даже идти приятно – песок. Мурава чистая, зеленая. Дементию кажется: Мезенцевы только тем и занимаются, что с утра до вечера выметают сор в ограде и на улице. Рядом с приамбарком, около прясла, штабель нового дранья – опять учитель собирается что-то строить! Куда он все строит...

Учитель не держал собак. Дом без собаки – этого Дементий не мог понять, и камень-валун с полуовальной вершиной, лежавший под стеной террасы, показался ему огромным сторожевым псом, который лежит до поры до времени, а потом оживет и сделает прыжок. Дементий не удержался, подошел к камню, погладил рукой по холодной шероховатой спине.

Учитель вышел на террасу.

– Здравствуй, Дементий Корнилович! Что ты тут нашел?

– Понимаешь, Петр Иванович, камнем заинтересовался!

– Что в нем интересного?

– Петр Иванович, как же я раньше не видел, камень похож на волка или на собаку! Посмотрю – и спина, и голова...

Учитель внимательно пригляделся к камню, не нашел никакого сходства.

– Выдумываешь, Дементий Корнилович. – В его голосе звучит неодобрение, что Дементий Корнилович занят пустяками.

– Петр Иванович, об этот камень Лаврен Чучулин убился?

– Ну, об этот.

Бывший хозяин дома Лаврен Чучулин, узнав, что его идут раскулачивать, пьяный вышел на террасу и бросился с ножом на председателя сельсовета. Председатель слишком сильно толкнул Лаврена – тот полетел с террасы и ударился головой о камень. По дороге в больницу Лаврен умер. Учителю разговор об этом неприятен. Дементий знал эту историю не хуже самого Петра Ивановича, но время от времени начинал спрашивать снова – или забывал, или делал это нарочно.

С каждой секундой пригревало сильнее. Трава, черемуховый куст около тына, подсолнухи искрились на солнце. Белый туман, клоками поднимавшийся от реки, не успевал превратиться в облако и на глазах таял.

Петр Иванович Дементия в дом не приглашает, а, энергично вытянув правую руку в сторону низенькой толстой скамейки, вкопанной под южной стеной дома, коротко и повелительно бросает:

– Садись.

Дементий подчиняется учителю, как гипнотизеру, Петр Иванович продолжает стоять, как-то по-особенному вздыхает. Садится он на скамейку быстро, по-деловому, будто сидеть – это не отдых, а тоже работа. Достает из кармана трикового пиджака портсигар, длинными пальцами выхватывает две папиросы – Дементию и себе.

Учитель, глядя куда-то в сторону, а не на Дементия, задает свой излюбленный вопрос:

– Что нового в жизни, Дементий Корнилович?

– Ничего нет, – нажимая на «ч», говорит Дементий, скользнув взглядом по учителю лицу.

Про Колю говорить рано, надо выждать, и он, размахивая руками, начал рассказывать, как видел на днях двух диких коз, выскочивших на дорогу, и как у него ружья не было, и как он крикнул, и как они, оглянувшись, перебежали дорогу и скрылись в осиннике.

Петр Иванович не проявлял интереса к тому, что рассказывал Дементий. Тогда он оставил коз и начал рассказывать про грозу, сбившую огромную лиственницу возле Татарских полей. И этот рассказ Петр Иванович слушал плохо, и Дементий так и не рассказал, что могло быть, окажись он или еще кто-нибудь рядом с лиственницей, когда в нее ударила молния.

– Петр Иванович, случилось что-нибудь?

Учитель бросил на траву еще большой окурок, взял новую папиросу, прикуривать не стал, придвинувшись ближе к Дементию, озабоченно проговорил:

– Такой случай у меня впервые...

– Какой? – осторожно спросил Дементий.

– Сегодня мне этот сопляк оказал, что не хочет учиться.

– Какой сопляк? – притворился Дементий, хотя отлично знал, о ком идет речь.

– Мой младший – Володя.

– Ну и что?

– Я ж тебе говорю: не хочет учиться.

Дементий взглянул на удрученное лицо учителя и захохотал так громко, что копавшиеся рядом в земле куры с криком кинулись в разные стороны.

– Это они договорились!

– Кто? С кем?

– Володя с моим Колей! Это ж два друга!

– И что тут смешного?

Петр Иванович резко согнул ноги, все тело наклонилось вперед, руки уперлись в скамейку... Он сидел с таким выражением на лице и во всей фигуре, которое говорило: ну что, Дементий Корнилович, какую еще глупость скажешь?

Дементий не мог больше сдерживаться и двинулся в атаку на учителя.

– Неправильное твое рассуждение, Петр Иванович!

– Какое рассуждение?

– А вот такое!

– Объяснил бы, а то ночь буду думать, не спать.

– У тебя и сон пропал?! – засмеялся Дементий. – У меня из восьмерых ни один ничего не закончил. Самому младшему бросить – и картина будет полная! Мне тогда что, всю жизнь не спать?

– А это как ты захочешь, – в тон Дементию ответил учитель и тоже засмеялся.

Уверенность Петра Ивановича вышибала Дементия из колеи, и он нередко говорил совсем не то, что хотел сказать. И только потом, когда оказывался один, находилась нужный ответ. Он боялся опять проиграть и решил говорить с учителем смелее.

– Петр Иванович, у тебя как по-писаному выходит! Что ты за человек такой? Может, подскажешь, что с Колей делать?

– При чем тут Коля?

– Он тоже бросил.

– Мне Володя про твоего ничего не говорил.

– Понятное дело: договорились! Я ждал этого.

– Ждал?

– А что тут особенного? У меня все бросают. И этот бросит.

– Вон ты как рассуждаешь! У меня ни один не бросал.

– Бросит.

– А это я еще посмотрю...

– Что тут смотреть: бросит – и ничего не сделаешь. Силой не заставишь.

Дементий покрутил головой и даже на мгновение плотно сожмурил веки, что должно было означать, что Петр Иванович «ничего не сделает»!

– Почему?

– Учеба – дело добровольное: хочет человек – учится, не хочет – не надо. К чему насиловать?

– По-твоему, Дементий Корнилович, грамотные люди нам с неба свалятся?

– Сколько ж их должно быть, грамотных?

– Все до единого.

– А работать кто будет?

– Машины.

– А на машинах кто?

– Люди.

– Какие?

– Грамотные.

– А где ты их возьмешь? Все грамотные уехали в город!

– Приедут.

– Когда? Вот мы, старики, порем, и некому будет хлеб сеять.

– Ошибаешься, Дементий Корнилович.

– Мои-то никуда не уехали. А вот своих, Петр Иванович, ты всех в город повыгнал!

– Никого я не выгнал. Сами уехали.

– Что ты мне рассказываешь! – заикаясь, подхватился со скамейки и сел снова Дементий. – Думаешь, я не знаю, какая у тебя была цель? Выучить всех, чтобы ни один в колхозе не работал. Скажи, не так?

– Далеко ты хватил, Дементий Корнилович, цель у меня была другая!

– Какая?

– Хочу, чтоб мои дети были грамотными, культурными людьми.

– Какая там культура! Просто ты не хочешь, чтобы твои дети в деревне жили!

– А ты что, специально не учишь детей, чтобы они в колхозе остались?

– Что их, за ручку в школу водить? Это ж все-таки пять километров!

– А ты задумался, почему они у тебя школу бросают?

– Хочешь сказать, мои дети глупее твоих?

– Я не хочу этого сказать.

– А на что намекаешь?

– А ты подумай.

– Много будешь думать – быстро состаришься.

– Не бойся. Это у меня голова блестит, как луковица, а у тебя чуб еще крепкий.

Петр Иванович провел ладонью по широкой лысине, открывавшей высокий лоб, пригладил короткие серебряные волосы на висках и затылке и засмеялся над самим собой. Огромная лысина нисколько не смущала его, наоборот, из этого, казалось бы, недостатка он сумел сделать достоинство: голый череп был внушительных размеров, теперь его еще заметнее обрамляли беловатые кустистые брови, из-под которых строго смотрели синие большие глаза, и не было человека, который бы взглянул на огромный лоб Петра Ивановича без уважения. Он дотрагивался до своего лба или опирался лбом на согнутую руку с расставленными пальцами с неизменной торжественностью и значением.

Вот и сейчас, как будто потеряв интерес к Дементию, он поворачивается боком на скамейке, кладет руку на ногу и, опершись локтем о колено, расставленными пальцами касается высокого лба. Петр Иванович не хочет обострять разговор с Дементием. Они никогда раньше не ссорились, и сегодня, думал Петр Иванович, тоже не обязательно ссориться. Он поступит

с Дементием как учитель с учеником: он может его простить, а может и наказать. Так вот, он прощает. С таким видом, молча, Петр Иванович сидит минуту, две...

Дементий понял, что дал маху, и поворачивал оглобли назад: пыл его поубавился, решительности, с которой он начал разговор, и в помине не было.

Петр Иванович наконец меняет позу: садится прямо: долго и со стоном зевает. Дементий тоже как будто спокоен. Но вечер, разумеется, испорчен. Учитель угощает Дементия папиросами. Дементий берет папиросу, из чего должно следовать, что друг на друга они не сердятся. И Дементий уходит.

4

Оставшись один, Петр Иванович пытается разобраться, что произошло. Осуждает себя за то, что проговорился.

«Какое дело, особенно Дементию, до того, что Володя не хочет учиться? Нашел, кому жаловаться... Только смеяться будут, скажут: сын учителя, а не хочет учиться...»

Петр Иванович прошел по тропинке вдоль картошки, пугнул куриц, подражая ястребу, и в густых картофельных зарослях раздалось отчаянное кудахтанье. Две самые вредные курицы, ныряя между кустами, мчались к забору, их путь легко можно было проследить по вздрагивающим высоким кустам картофеля.

Перед тем как уйти с огорода, Петр Иванович постоял на тропинке, вспоминая, что предстоит сделать на завтра: забрать цинковый бачок от колодца, а то, как в прошлом году, утащит кто-нибудь; к топору сделать новое топорище; сказать Володе, пусть осторожно пройдет по картошке и повыдернет сорняки. Что еще, не забыть бы... Но стоило вспомнить о Володе, и все мелкие дела отодвигались, делались еще более мелкими, необязательными, последний Володи поступок заслонял их собой полностью.

Давно горели огни в деревне, и только в доме Мезенцевых не было света.

Петр Иванович ходил в волнении по комнате и ждал, что скажет сидевшая у печи с покорным видом «старуха», его жена, которую в особенные дни он звал Саней или полностью по имени-отчеству: Александрой Васильевной.

С начала сумерек и до темноты говорил один Петр Иванович. Жена слушала его, вздыхала. Вздыхала она и оттого, что ей тяжело было слушать все, что говорил Петр Иванович, и оттого, что говорил он слишком долго. К тому же Александра Васильевна не знала, что отвечать своему мужу, которого она всегда немного побаивалась.

– Что ты вздыхаешь?

Устало и безнадежно, точь-в-точь как Александра Васильевна, он, передразнивая, вздохнул два раза, остановился напротив Александры Васильевны.

– Он же еще ребенок...

– Этому ребенку пятнадцать лет!

– Ну, сам подумай, что это – пятнадцать лет? Он же ничего не понимает.

Александра Васильевна говорила с такой проникновенностью и мольбой, что, казалось, Петр Иванович, начинавший курить одну папиросу за другой, послушает ее и меньше будет ругать сына.

– Все он понимает... Я в пятнадцать лет вступил в Красную гвардию!

Петр Иванович сел за стол, отодвинул от себя будильник, низко нагнулся над столом, опершись подбородком о ладонь правой руки, левая была вытянута вдоль стола – это было сигналом, что теперь Александра Васильевна может сказать все, что она считает нужным и Петр Иванович будет внимательно ее слушать.

– Я в пятнадцать лет ни читать, ни писать не умела, – сказала Александра Васильевна.

– Что ты за пример? Что ты сравниваешь? Прошло то время, о котором ты говоришь.

– Дай ему ремня, может, полковником станет, – посоветовала Александра Васильевна, желавшая хоть как-нибудь закончить неприятный разговор.

– Каким полковником? – не понял Петр Иванович.

– Ты что, забыл? Перед войной на Бадонках отец своего сына уздой отмутил!

– Ну и что?

– Это ж ты рассказывал?

– Ничего я не рассказывал.

– Тогда слушай. Мальчонка уже ладный был, тоже, как наш, учиться не хотел. Назначили его к пастуху коров помогать пасти. Сам пастух один раз пошел сено косить, а коровы и пропаслись день в пшенице. Отец узнал под вечер, взял узду и давай своего мутил! А соседская девчонка подсмотрела, как отец лупцует ее жениха! Мальчонка был старше нашего, у него уже и невеста была, он ей из лесу букетики приносил. Отлупил его отец, ушел в избу. Мальчонкина невеста свесилась с забора, смотрит во все глаза на своего жениха. Он достал букетик и подает. А девчонка говорит: «Я видела, как отец тебя бил, не надо мне твоих цветов!» Отец-то, конечно, ошибку сделал: не надо при девчонке-то лупить! Только все оно как раз к лучшему повернулось. От стыда жених убежал совсем из дому. Мать ходила по деревням и у каждого встречного спрашивала: «Вы моего Федю не видали?» Надо же, вспомнила, как зовут: Федя Редчанков!

Александра Васильевна помолчала, сама растроганная своим рассказом, и закончила:

– А через двадцать лет приехал Федя в гости к отцу полковником!

История с уздой Петру Ивановичу как будто понравилась.

– Ни разу не слышал. Такая история под боком... А говорят, бить нельзя!

Александра Васильевна насторожилась:

– Это на кого как: другому каждый день трепка, а пользы никакой.

– Каждый день не надо, – засмеялся Петр Иванович. – Один раз, но так, чтоб всю жизнь помнил! Сегодня поздно, пускай спит. А завтра задам мурцовки, пусть бежит! Может, генералом вернется?

– Так уж и генералом сразу, – не без тревоги сказала Александра Васильевна. – Не было в нашей родне ни полковников, ни генералов и не надо.

– Как не было? А генерал Шмаенков в Москве?

– А ты видел этого генерала?

– Ну так что, что не видел? Что он от этого – сделался рангом ниже?

– Откуда ты знаешь, что Шмаенок генерал?

– Как откуда? От родни.

– От какой?

– От родни генерала Шмаенкова. От его племянника, от Гриши.

– И ты, думаешь, Гриша этот тебе правду скажет?

– А зачем ему врать?

– Бывает, что и соврать надо.

– Ну, знаешь ли, – начал сердиться Петр Иванович. – Одно дело – прибавить сержантскую лычку, ну, звездочку лейтенантскую, а генеральский чин – ого-о, это тебе не просто!

Такой ответ Александру Васильевну никак не убедил, она все с той же непоколебимой сомнительностью отвечала:

– Какое тебе дело до генерала Шмаенкова, если только он генерал? Да и не мог он сделаться генералом! В Белоруссии Шмаенки жили от нас недалеко, в соседней деревне. Перед Гражданской войной черняховские парни к нам на вечерку приходили. Был там и твой Шмаенок. Начнется вечерка, он стоит, губы развесит... У него всех девчонок из-под носу уведут!

– Это еще ни о чем не говорит, – защищает Петр Иванович.

– Обо всем это говорит. Птицу видишь по полету. Я, конечно, не хочу спорить, всякое в жизни бывает, а только не мог Шмаенок сделаться генералом, не поверю. А что ты его защищаешь? Какая он тебе родня – седьмая вода на киселе?

Выяснение родственных отношений с генералом Шмаенковым заняло не меньше получаса. Александра Васильевна всячески открещивалась от дальнего родственника, которого в военном чине она ни разу не видела. Петр Иванович настаивал на родстве и не позволял жене снимать со Шмаенкова звание генерала.

Александра Васильевна не была сварливой женщиной или же любительницей поспорить, она бы сразу уступила мужу в этом довольно простом вопросе: родня или не родня им Шмаенок, и генерал он или не генерал? Она слышала, что в дальней родне Петра Ивановича будто бы есть генерал и живет в Москве. Генерал не сообщал о себе Мезенцевым. Надо полагать, Мезенцевы для него с тех пор, как он сделался генералом, не существовали, а тогда, скажите, с какой стати Александра Васильевна должна признать существование генерала?

Новое упоминание о нем в обычный день так бы не затронуло ее: есть Шмаенков – хорошо, нет Шмаенкова – тоже хорошо. Но упоминание о Шмаенкове сегодня да еще как о генерале в расчеты Александры Васильевны не входило. Тогда получалось, что зря Александра Васильевна рассказала историю с Федей, то есть через что он стал полковником. И тут, как-то совсем уж близко, этот генерал Шмаенков. Безвыходное положение у Володи: с одной стороны полковник, с другой – генерал. Очень уж два больших чина! Рядом с такими чинами Володино поведение заслуживает самого серьезного наказания.

Александр Васильевне нужно было решительным образом снять генеральский чин со Шмаенка или, на худой конец, выразить полное недоверие к тому, что он в таком чине находится. И тогда, считай, оставался один Федя полковник. А с одним, что ни говори, если он даже полковник, справиться легче.

Петр же Иванович настаивал на родстве совсем из других соображений. Во-первых, он не хотел и не мог согласиться со следующим: зачем отказываться от родства со Шмаенковым, если он действительно родня? Во-вторых, и это было самое главное, Петр Иванович с юных лет и вот уже до пенсионного возраста сохранил любовь к военным.

Поднявшись из-за стола, Петр Иванович подошел к порогу, включил свет и сказал:

– Что, Саня, будем делать с нашим лентяем?

– Я его лентяем не считаю, – смелее заговорила Александра Васильевна, так как Петр Иванович теперь уже был не опасен: голос его был веселее, угрозы в нем никакой не было.

– Краснеть мне потом придется, – сказал Петр Иванович, садясь на прежнее место.

– Чего тебе краснеть? Пойдут ребятишки в школу, и он пойдет. Что ему дома делать?

Петр Иванович оглянулся на Володину комнату, в которой Володи не было, – он спал в амбаре, – и, словно боясь, что Володя все равно может услышать, переходя на шепот, сказал:

– Ты же видишь его характер? К нему другой ключ нужен! Он же какой-то бесстрашный!

– Я в этом ничего не понимаю. Делай как знаешь, чтоб потом не говорил.

– Тогда лишнего не защищай.

– А может, и правда у него от учебы голова болит? Посмотри, какое у него лицо бледное.

Петр Иванович похвалился:

– Я в его годы был на полголовы выше и в плечах шире. Мне моих лет никто не давал. А силища была разве такая? – Петр Иванович искоса глянул на свои худые, опущенные, как у ястреба, плечи. – Я мог поднять на вилы копну! Несу, самого не видно, будто живая копна идет! Помнишь, Саня? За троих работал и отдыха не просил!

Кто-то не очень громко постучал в кухонное окно. Петр Иванович подумал, что услышался, и посмотрел на Александру Васильевну. То же самое сделала и Александра Васильевна. В ожидании, что стук повторится, они посидели молча, затем Петр Иванович, недовольный, что его прервали на самом интересном месте, вышел в коридор и громко через дверь спросил:

– Кто там?

Никто не ответил.

Петр Иванович постоял, подождал, не зная, открывать двери или не открывать. Стук ему не понравился. Если бы что-то нужно было Володе, он бы постучал громче и, не дожидаясь, когда спросит Петр Иванович, первый бы сказал: «Открывайте». Значит, это был не Володя. И потом, уж так было заведено у Мезенцевых, младшие поздно не стучались, а шли спать в амбар.

– Володя, ты? – громко еще раз спросил Петр Иванович, отодвинул деревянный засов и вышел на террасу. Около ворот на загон кто-то перелез через заплотник и, срезая угол, побежал к черемухову кусту. Слышно было, как под ногами путалась и шелестела картофельная ботва. Человек остановился или ступил на широкую скошенную межу, идущую вдоль тына от черемухового куста до самого низа, и все стихло.

Петр Иванович нашарил в сенях на полке ключ, замкнул двери. Потом сообразил: если Александре Васильевне вздумается выйти на террасу и дверь окажется запертой, она испугается. Он отомкнул замок, повесил его на место.

Прошел к амбару, дважды с силой толкнул дверь. Как и ожидал, дверь изнутри была запертой. Не очень громко, но и не очень тихо постучал ключом по скобе.

– Кто? – услышал он Володи́н голос.

– Я.

Глухо прозвенел широкий без ручки рашпиль, на который была закрыта дверь.

– Ты в окно стучал?

– Нет.

– Иди в комнату, – сказал Петр Иванович. – Кто-то около дома ходит.

– Пусть ходит, – белея в темноте голыми плечами, ответил Володя.

– Идем, я сказал.

– Жарко в избе. Я в прошлом году спал в амбаре, пока снег не выпал.

– Потом будешь спать в амбаре, а сейчас делай так, как я сказал. Ботинки нашел?

– Нашел, – ответил Володя, все еще надеявшийся, что отец уйдет без него. Петр Иванович терпеливо ждал.

В трусах и майке Володя, подрагивая от холода, бежал впереди отца, смешно выбрасывая ноги, как будто ступал по раскаленным углям.

5

Утром, когда до восхода солнца оставалось не меньше часа, Мезенцевы-старшие уже не спали. Александра Васильевна, пошатываясь после крепкого предутреннего сна, растапливала печь. Петр Иванович пошел в амбар, чтобы бросить курицам две-три горсти крупной желтовато-белой пшеницы.

Куры наперегонки подбегали к амбару. Пока Петр Иванович нагибался через стенку сусека, чтобы поддеть зерна ладонью, самые нахальные из них проскакивали в амбар и прятались в укромных уголках, всякий раз надеясь, что Петр Иванович сыпанет зерна на улицу и уйдет. Но Петр Иванович никогда не забывал проверить укромные уголки. Что тогда делалось в амбаре! Куда только не залетали и не садились курицы, где только не гадили от страха! Нахалку, залетевшую в сусек, Петр Иванович выгонял легкой осиновою лопатой с длинным чернем. Поединок заканчивался всегда одинаково: спасаясь бегством, с гвалтом курицы выскакивали на порог и, не касаясь подамбарка, разлетались в разные стороны. Затем, спохватившись, подбегали к стае, которая заканчивала вкусный завтрак, внимательно выискивая отлетевшие в траву зерна. Петр Иванович бросал зерна еще.

Оставив на досках в амбаре немецкий замок с сильной звонкой пружиной, он закрыл двери на тонкий четырехугольный болт, который всегда издавал характерный звук, ударяясь о верхнюю скобу шляпкой.

Спустившись по широким толстым ступеням с подамбарка, Петр Иванович увидел на загоне красно-пеструю, с большими рогами корову, стоявшую около закрытых ворот в ожидании поила, годовалого бычка, пытавшегося на своих коротких рожках поднять ворота и выйти с загона, и двух полугодовалых поросят, сумевших протиснуться между столбом и воротами и теперь своими длинными носами портивших ограду. Петр Иванович прогнал их с лужайки и пошел к колодцу.

Большая собака, мастью, ростом и даже хвостом похожая на волка, хотела перескочить забор в самом низком месте, увидела Петра Ивановича, соскочила опять в соседний огород и как ни в чем не бывало вдоль забора, а затем вдоль тына побежала вниз, к болоту. Близко к мосту без перерыва крякала дикая утка, будто нарочно указывала место, где она прячется; ей ответила другая утка.

Небо за Школьным лесом порозовело, верхушки сосен тоже были розовыми, как будто, раскалившись, собирались вспыхнуть.

Каждое утро, идя за водой, за луком и огурцами, Петр Иванович, остановившись у колодца, любил разглядывать, что делается в природе. Все, что видел он сегодня, не было таким радостным. Он не стал спускаться к колодцу, вернулся с полдороги, обследовал заплотник в том месте, где кто-то перелез ночью. Следы вели к черемуховому кусту и терялись на меже. Несколько картофельных стеблей, где был след, помяты, сломлены.

Петр Иванович достал из кармана перочинный ножик, срезал черемуховую ветку и стал замерять ею следы.

Александра Васильевна, бросив доить корову, наблюдала за Петром Ивановичем.

Подойдя к заплотнику, около которого с подойником стояла Александра Васильевна, он показал два толстых прутика с белыми зарубками.

– Ну, что здесь? – недоверчиво спросила она.

– Размер сапог.

– А это что? – Александра Васильевна показала на коротенькие отметины.

– Длина и ширина каблука.

– По этим палочкам найдешь?

– Найду.

Петр Иванович составил поило из теплой воды с отрубями, ловко подхватил ушатику, вынес на улицу, поставил на земле недалеко от крыльца.

Красно-пестрая Марта, как только ей развязали передние ноги, с легким мычанием мгновенно оказалась рядом с ушатиком, который Петр Иванович надежно защищал от свиней.

Александра Васильевна, удерживая в левой руке подойник с утренним молоком, правой отбивалась от красного бычка, сумевшего за лето два раза сотворить беду: один раз он перевернул подойник, когда она заканчивала доить корову, другой раз, неизвестно откуда появившись, поддел ведро, когда Александра Васильевна шла с загона. Она отругала бычка, но это на него не подействовало, и он норовил опрокинуть подойник в третий раз. Она подняла с земли хворостинку, замахнулась на бычка, сказала, что за такое поведение он не получит ни свекольных, ни капустных листьев, а вместо поила будет пить воду из болота. Как будто поняв угрозу, бычок бросил Александру Васильевну, остановился посреди загона и замычал ей вслед громко и обиженно.

Поросята несколько раз стремились завладеть ушатиком, но с позором отбежали и завистливо косились на ушатику.

Петр Иванович стерег до тех пор, пока Марта не начала слизывать со дна картофельные шкурки. Вылизав досуха дно, она мотнула головой, оглянулась на поросят, стоявших у забора

и следивших за нею, подошла к углу дома, где ей всегда нравилось стоять, и стала ждать, когда ее выгонят на улицу. Пока она стояла, поросята, выжидательно хрюкая, пробежали мимо нее раз пять.

Спускаясь по тропинке к бане, Петр Иванович вспомнил: вчера, когда он уходил с огорода, бадья была в колодце, он сам опустил ее, чтобы не рассыхалась. Сегодня бадья гуляет в воздухе. Кто-то пил из бадьи ночью... Петр Иванович вылил из нее воду. Теперь его интересовала баня. Можно подойти к тыну, издали посмотреть – нет ли кого на крыльце, подперта ли дверь? Подумав так, Петр Иванович пошел, как он ходил всегда по тропинке, огибающей баню с левой стороны.

На потолке бани, под односкатной драньевой крышей, росли бурьян, лебеда и невесть откуда залетевший дикий горошек. Петр Иванович и раньше с любопытством взглядывал на заросли бурьяна, лебеды и горошка на потолке, а сегодня посмотрел на них с каким-то особенным вниманием, как будто старался увидеть там кого-то спрятавшегося.

Обогнуть левый передний угол бани – и Петр Иванович увидит длинное, широкое крыльцо и дверь; выступающие по углам бревна защищают крыльцо от ветра. Петр Иванович поравнялся с выступом – на крыльце никого нет, дверь подперта поленом. Разбирающиеся, из досок, воротца не тронуты. Опустив две верхние доски, он перешагнул из своего огорода в поскотину, дошел до моста, вернулся. Откинул полено, подпиравшее дверь, заглянул в баню: все на месте.

Двинувшись к колодцу не по тропинке, а с другой стороны бани, вдоль огурцовой гряды, Петр Иванович наткнулся на пустую бутылку, валявшуюся в бурьяне. Поднял ее. Бутылка была новенькая, даже этикетка поблескивала. Петр Иванович наклонил бутылку горлышком книзу – капли вина покатались по стеклу. И вдруг ему стало неприятно: он увидел связь между сегодняшним ночным посещением и бутылкой. Кто-то выпил для храбрости...

Пустую бутылку мог кто-нибудь забросить из поскотины, рассуждал Петр Иванович, глядя за тын и предполагая, с какой стороны и кем могла быть брошена бутылка.

Он услышал, как проскрипели ворота, увидел идущую к колодцу Александру Васильевну.

«Ну, что?» – еще издали взглядом спрашивала она.

– Не нравится мне эта штука, – сказал Петр Иванович и приподнял в воздухе бутылку из-под кагора.

Александра Васильевна поняла, выражение ее лица мгновенно сменилось, как будто в руках у Петра Ивановича была не пустая бутылка, а граната, готовая разорваться, в любое время.

– Вот что, старуха, надо проверить, есть ли в магазине такое вино. Поняла?

Александра Васильевна молча кивнула головой.

Около черемухового куста, куда ночью бежал человек по картошке, у Мезенцевых была скамейка, на которой в тени любил отдыхать Петр Иванович. Здесь с утра до вечера жужжали пчелы, кружились стрекозы...

Петр Иванович обычно сидел на скамейке неподвижно, и воробы очень скоро переставали обращать на него внимание, перепархивали с ветки на ветку над самой его головой.

Зря ночью Петр Иванович не подкрался к черемуховому кусту и не проверил... Он мог неслышно пройти по ограде, перелезть на загон и оттуда прислушаться: если бы у куста на скамейке сидели двое – парень с девчонкой, все равно они бы не выдержали и засмеялись, или до Петра Ивановича донесся бы шепот – молодые люди, это точно, не удержались бы и стали смеяться или перешептываться...

Ничего этого с террасы Петр Иванович не мог услышать, да он и не слушал долго, и теперь нужно было разгадывать: кто и зачем уже во второй раз приходит ночью?

6

В воскресенье Мезенцевы топили баню. Петр Иванович с Володей были в школе – расставляли высохшие, пахнущие свежей краской парты и скамейки, когда Александра Васильевна занесла в баню дров, два чугуна и бересты.

Перед тем как затопить баню, вынула из двух оконцев легкие осинового чурбаки. Третье оконце, маленькое и высокое, было заткнуто старой телогрейкой с оторванными рукавами, и Александра Васильевна открывала его осторожно, чтобы не налетела в глаза сажа.

Взявшись за маленький колышек, служивший дверной ручкой, потянула осевшую дверь немного вверх и на себя. Порог переступила не сразу – сначала осмотрела правый, самый темный, угол, в котором стояла бочка для горячей воды. Шагнув через порог, заглянула еще в один слабо освещенный угол – под полком. Привыкнув к полутьме, разглядела там старые веники. Петр Иванович не любил, когда накапливался хлам, и она убрала их.

Когда мелкие дрова разгорелись, бросила в каменку крупных поленьев, придвинула к дровам чугуны. Один чугун стоял плохо, Александра Васильевна стала поворачивать его, вода несколько раз плеснулась на огонь – облако белого пара скрыло дрова и чугуны. Задерживая дыхание, она установила чугун, согнувшись, вышла из бани.

Постояла на чистом воздухе, отдышалась от дыма. Узнала в маленьком мужичке с топориком за поясом Ивана Черного, шагавшего в лес. Не сбавляя шага, Иван Черный поприветствовал Александру Васильевну, взмахнув рукой, и скоро был уже на мосту. Посмотрел с перил на воду и так же скоро, как шел по задам, зашагал к лесу.

Александра Васильевна посмотрела вдоль огородов на всю деревню и заметила из бань только два дыма – у Нюры Зиновьевой и у Захарки. Еще рано, дымки появятся через два, три часа, а у некоторых и совсем к вечеру. Услышав за спиной шаги, она резко оглянулась.

– Надо ж так напугать! – сказала она Петру Ивановичу, быстро и неслышно спустившемуся по тропинке к колодцу. – Куда ты Володю дел?

– К Лоховым зашел, – ответил Петр Иванович. – Почему нарушаешь договор? – строго спросил он.

– Ничего я не нарушаю, – сказала она, довольная, что Петр Иванович беспокоится, и делая вид, что не понимает, о чем он спрашивает.

– Я же говорил тебе: без меня баню не затапливай, сделаю все в школе, приду – помогу. Ты не Володя, должна понимать. Забыла, как в Грязнухе?

– Еще что, – испуганно проговорила она, не желая и вспоминать того, что было в Грязнухе. – Будешь топить баню, а я обед из печи достану?

– Доставай.

Сделав несколько шагов к дому, Александра Васильевна хотела вернуться, выбрать с гряды огурцов для обеда, но Петр Иванович сказал, что сам выберет. Она постояла немного, как бы размышляя: доверить Петру Ивановичу выбрать огурцов или вернуться и сделать самой? Медленно, как будто нехотя, она стала подниматься в гору. И, удивительное дело, без ведер с водой, без кошмы с листьями Александра Васильевна шла в гору как будто тяжелее...

Закрывая ворота, она увидела, как Иван Черный свернул за мостом влево и шагнул, мелькая за деревьями, по дороге вдоль болота.

Перед баней к Мезенцевым заглянула Арина. Подождала Володю, несшего от бани пилу и оставшиеся дрова, на которых сверху лежал топор.

– Много воды нагрел? – спросила Арина.

– Много.

– Дементию останется?

– Останется. Пусть приходит.

– Куда ты дрова несешь?

– В поленницу.

– Лежали б около бани, чего их носить.

– Складу в поленницу.

– Все бы складывали! Шура дома?

– В магазине.

– Ну, ладно, – сказала Арина, будто простила Володе какую-то провинность. – И я в магазин схожу, у меня тоже есть деньги.

Арина любит кричать. За свой характер она часто получала от ворот поворот. Ладила она в этом краю только с Александрой Васильевной.

Рядом с домом Лоховых стоял еще один, крайний, дом, в котором жили Дедуровы. Казалось бы, самые близкие соседи! Но Арина считала, что Дедуровы своим домом только свет загораживают да нарочно в Аринин огород свиней запускают.

По правде сказать, хулиганить в доме у Дедуриных некому – мужчин нет. Сама Дедуриха и четыре дочки, росшие одна за другой: старшей было двадцать два, младшей – двенадцать. Дочки рослые, белые, румяные, как пряники. Младшей ни за что не дашь двенадцать. Скажет, в пятый класс ходит – никто не верит.

Что они там такое особенное едят, удивлялась Арина, растут как на дрожжах! Она ожидала: не успев вырасти, Дедурихины дочки начнут выскакать замуж одна за другой, как у Арины. Ожидания ее не оправдались: учатся Дедурихины дочки, а на женихов не смотрят. Оно, если разобраться, так и смотреть не на кого – кругом на двадцать километров нет ни одного жениха. Но ведь нашли себе женихов Аринины дочки! Не-ет, с Дедурихой ей говорить не о чем. Да с ней и не поговоришь: чуть что – побежала! То у нее не сделано, другое не сделано... А дочки рассядутся с книжками, шапки соломенные понадевают и – ха-ха-ха-ха! Даже в лесу слышно, как они смеются. Городскими стали.

Две, которые младшие, попростей будут, из деревни никуда не выезжали – губы не красят, хвостов на голове не носят... А старшим бы точно Арина подол заголила и показала, где город, а где деревня!

Первыми, как принято у Мезенцевых, пошли в баню мужики. Мыться, как только закрыли баню, хорошо тому, кто любит париться, а в остальном лучше, кто идет во вторую очередь: не так жарко, нет угара.

Баню закрывал Володя. Придаться не к чему: головешки залиты, крыльцо подметено, пол вымыт, блестит протертый шестик, новый веник лежит в горячей воде.

Петр Иванович попарился в третий раз.

– У-ах! – выдохнул он, соскальзывая с полка и отдавая Володе веник. Пригнувшись, он бежит по мокрому полу к выходу, очень похоже: Петр Иванович спасается от ос или пчел, жалящих его со всех сторон.

В маленькое оконце струится дневной свет. Горит лампа-коптилка, пламя колеблется, вот-вот погаснет, когда кто-нибудь парится или выходит из бани. Огонек коптилки потрескивает – долетают брызги. И оттого, что лампа горит днем, отодвигая ненастоящую темноту, не покидает ощущение таинственности, которая исходит из темных уголков бани, от ярко освещенных предметов, которые лежат рядом с лампой, из легких и странных шорохов на потолке и у крыльца.

– Кто-то прошел? – Петр Иванович перестал натираться мочалкой и прислушался.

– Птицы садятся! – сказал Володя.

– Молодец, – похвалил его Петр Иванович. – Надо прислушиваться.

– Зачем?

– Молодой человек должен быть наблюдательным. А как же!

– Я же не на границе.

– А где ты?

– В Белой пади.

– Граница везде, – сказал Петр Иванович, нисколько не сомневаясь в правильности своих слов. – Враг будет мыться с тобой из одного таза, и ты знать не будешь.

Последние слова показались Володе интересными, хотя и похожими на книжные, и он сказал:

– Ну вот сейчас, я что – враг?

– Ты – нет. А кое-кто может оказаться. По-твоему, кто ночью стоял на огороде, кто стучал в окно?

– Кому-то делать нечего.

– Делать нечего? Мы же с тобой говорили: что можно искать на огороде в три часа ночи? Огурцы мы перед тем выбрали... Не за капустой и не за картошкой он приходил, сейчас голода нет. Теперь давай предположим: в ту ночь, неделю назад, и позавчера ни один человек из нашей деревни ни в пьяном, ни в трезвом виде на чужом огороде не показывался. Кто же тогда стоял на огороде? Кто стучал ночью в окно, а потом бежал по картошке?

– Нарочно кто-нибудь...

– Нарочно? Для чего?

– Попугать захотелось.

– Кого? Я старый воробей, меня пугать нечего. Ты не смейся, – многозначительно произнес Петр Иванович, принимая у Володи таз с теплой водой. – Слушай, что я тебе говорю. Я завтра еду на учительскую конференцию, за хозяина ты остаешься. В амбаре я тебе ночевать запрещаю. Понятно? Что-нибудь заметишь, расскажешь, я через три дня приеду.

Стемнело. После бани Мезенцевы во второй раз пили чай с брусничным вареньем, когда с бельем и со своим веником зашел к ним Дементий. Через минуту он взялся за ручку двери, отказавшись и от чая, и от разговора.

– Воды на троих хватит, – сказал Петр Иванович, отставляя стакан и поворачиваясь лицом к Дементию.

– Пар остался? Мне главное погреться. Ноги на дню сколько раз намочишь! Около Третьего Индона пасем, коровы лезут в болото.

– И пару на троих хватит.

Дементий было пошел, но из коридора вернулся.

– Чуть не забыл. Петр Иванович, что это тебя за мужик спрашивал?

– Когда?

– Неделя будет, как я его видел. Что-то он мне не понравился. За мостом встретились под вечер. Гоним с Яшкой коров, подходит ко мне, заводит разговор. «Где живет учитель Мезенцев?»

Я показал.

«Откуда будете?» – спрашиваю. «С Исаковки». «Я на Исаковке всех знаю».

Блеснул на меня глазами и говорит: «Я там живу недавно».

«Эге, – думаю, – что-то тут неладно!» Не нравится ему, что я его пытаю. Я тут ему еще один вопрос: «А ты с Петром Ивановичем знаком или как?» «Нет, – говорит, – не знаком. А что?» «Так, – говорю, – ничего, интересуюсь». Посмотрел он на меня долго-долго и ничего, правда, не сказал.

Мезенцевы, все трое, внимательно слушали Дементия. Петр Иванович спросил:

– Точно не можешь сказать, когда ты его видел? Число?

– Чтобы не соврать... – подсчитывал Дементий. – Двадцать первого августа!

– Никого не было, – сказал Петр Иванович и постучал пальцами по столу, число совпало.

Ярко пылают дрова в русской печи. Желто-красные языки пламени, изгибаясь над загнеткой, дотягиваются до трубы, и там, где языки пламени падают, отскакивают, как живые, ярче видна густо-синяя плывущая лента дыма.

Александра Васильевна затопила печь лучшими дровами, взятыми из зимней поленницы. С веселым музыкальным шумом льется вода в чугуны, большую кастрюлю и чайник: ударяют об пол и стены ухваты: прозвенела сковорода... По избе пошел запах вареного мяса. Спрыгнула на пол молодая белая кошка с чистой, гладкой шерстью, с меланхолическими продолговатыми глазами, и очень похоже, будто глаза и ресницы обведены тушью. Кошка подбегает к ногам хозяйки не сразу: делает маленький круг, выгибая тонкую спину, смотрит Александре Васильевне в глаза – и ни звука, ни в коем случае она не станет просить и кланяться голосом. Белая кошка не ошибается: Александра Васильевна отрезает кусочек мяса и бросает в блюдо. Кошка садится перед блюдцем и ждет, когда остынет мясо. В блюдце она смотрит до того внимательно, как будто кусочек мяса сейчас превратится в живую мышь и исчезнет под полом.

Отъезд Петра Ивановича на конференцию всегда напоминает праздник. Из красного дубового ящика, пахнущего свежими яблоками, Петр Иванович достает костюм, в котором он ходит на уроки. Из кладовки приносит ботинки с калошами. Ботинки с калошами – любимая обувь Петра Ивановича, он никогда не перестает восхищаться, как поблескивает черная резина, как все еще остро пахнет каучуком!

Петр Иванович завтракает один. Александре Васильевне некогда – она складывает в потрепанный коричневый портфель Петра Ивановича еду на дорогу: отварного мяса и сала, с десятков вареных яиц, хлеба, огурцов, баночку свежего сливочного масла. Из швейной машинки достает пачечку красных бумажек, кладет на край стола.

Позавтракав, Петр Иванович пересчитывает деньги и половину протягивает Александре Васильевне. Она протестует:

– Мы же договорились: купи Володе костюмчик, портфель, ботинки.

– Есть у него и портфель, и костюмчик, и ботинки... У меня столько нет, сколько у него!

Вечером этот вопрос был обсужден, Петр Иванович был согласен, а сейчас он недоволен своим решением. Александра Васильевна как-то уж очень смешно подмигнула мужу, хитро сощурилась:

– Купи. Он, как все, новенькое наденет.

Петр Иванович сдался окончательно:

– Куплю, я же сказал. Думаешь, мне денег жалко? Не хочу в нем зазнайство воспитывать.

Он проверил, все ли уложено в портфель и белую полотняную сумку, завязанную тоненькой, крепко свитой веревочкой. Уложено было все.

– Ну что, надо идти к почтальону. А то уедет – придется тогда пять километров топтать пешком.

Все так же спокойно и сосредоточенно Петр Иванович прошел в комнату сына. В учительском костюме и ботинках, чисто выбритый, помолодевший и какой-то добрый, остановился в дверях, готовый вот-вот улыбнуться. Володя не спал, просто так лежал в постели и, как показалось Петру Ивановичу, над чем-то думал. Он сел на кровати и хотел одеться, но Петр Иванович остановил его:

– Лежи-лежи, это ж мне ехать, а не тебе! А с завтрашнего дня знаешь, во сколько тебе подниматься?

– С шести часов.

– Правильно, вместе с матерью. Приеду с конференции, тогда выспишься. Ну, давай руку.

Почтальон, лет сорока мужчина, широкоплечий, с крупными чертами лица, вышел, прихрамывая, из ворот и первый издали поздоровался с Петром Ивановичем, медленно и широко шагающим к дому почтальона. Петр Иванович как будто не слышал приветствия и сказал свое короткое «здравствуй», когда подошел ближе. Не дожидаясь приглашения, он уложил в ходке портфель и сумку, сел с другой стороны ходка, спиной к почтальону. Ходок, грохоча на высохших комках грязи, покотился. Петр Иванович, тронув почтальона локтем, закуривая, сказал:

– Думал, опоздаю!

– Вы бы не опоздали, Петр Иванович! Я знал, что вам ехать надо!

– Откуда ж ты знал? – спросил Петр Иванович, довольный, что его ждали. – Это тебе Александра Васильевна сказала!

– Она!

– А что ж ты к дому не подъехал? Что ж ты старика заставил идти? – пошутил Петр Иванович.

– Так ведь подъехать к дому и стоять на глазах – это... все равно что поторапливать! А я ради такого случая могу подождать. Думаю, управитесь, и поедем!

– Ну, спасибо, – поблагодарил Петр Иванович, пододвигая себе побольше соломы, так как сидеть было твердовато. – Что ж ты потник или старую телогрейку не подложишь, тебе каждый день ездить надо?

– Собираюсь, да все некогда! А вы, Петр Иванович, берите больше соломы. Берите! Мне не надо: я круглый, как мячик, сами видите!

– Что ты круглый, это я вижу, – добродушно рассмеялся Петр Иванович.

Почтальон громко несколько раз захохотал над собой. Петр Иванович тоже смеялся вместе с почтальоном, но только не громко, а так, за компанию.

Конек у почтальона резвый, без больших усилий взбежал на гору перед гаражом и фермой. Взяв подъем, Малыш продолжал весело бежать, кося по сторонам выпуклыми янтарными глазами. Длинная черная грива подпрыгивала в такт бегу, Малыш то высоко поднимал голову, то выгибал шею, успевал увидеть предметы, находившиеся по сторонам дороги и которые он уже отлично знал. Слева от гаража и фермы проплыл конный двор, и Малыш задержал взгляд на нем подольше и даже приподнял уши, прислушиваясь. После длинных навозных куч начался сосняк, и дорога километра полтора бежала у самых деревьев. Иногда Малышу казалось, что ось заденет концом о ствол сосны и больно дернет плечо, но дорога в самый нужный момент ускользала от дерева, и, как бы хорошо ни правил почтальон, Малыш в таких местах предпочитал держаться самой крайней колеи и незаметно сбавлял бег. Это была новая дорога, а старая правее, по полю, во-о-он около того одинокого листвяка с двумя вершинами.

Когда кончился лес и исчез из виду листвяк, несколько минут ничего интересного не было, пока не началось огромное поле пшеницы и на самом краю поля не завиднелся среди тонких высоких берез зерновой ток, состоящий из длинного-предлинного сарая и с двумя окнами избушки.

О зерновом токе у Малыша остались самые приятные воспоминания. Работы у него там никакой не было – стой себе на привязи и уплетай свежую отаву. Овса и пшеницы перед ним – целые горы, а работы только и было, что утром привезти людей на ток, а вечером увезти.

Были и другие приятные воспоминания, но сейчас Малыш, не забывая быстро бежать, прислушивался, двигая ушами, к новым ноткам в голосе почтальона, который о чем-то интересном говорил с очень высоким мужчиной с важным голосом. Этот мужчина Малышу понравился тем, что перед крутой горкой соскочил с ходка; и еще он понравился тем, что ни разу не понукал Малыша, а что-то сказал ему несколько раз подбадривающее и, может быть, смешное.

Лицо и фигура высокого мужчины знакомы Малышу, и он только не мог вспомнить, где и как они встретились, но это не так важно, главное, что сегодня почтальон более вежлив с

Малышом – меньше покрикивает и не так сильно дергает удила. Хорошо сидят и разговаривают почтальон с высоким мужчиной, и хорошо бежать Малышу с гремящим ходком по знакомой дороге, где ему известны каждая извилина, каждый пенек и ямка!..

Почтальон совсем перестал дергать вожжами.

От острых ли запахов близкого жилья, от соломенной ли пыли, которой Малыш нанюхался за ночь на конном дворе, он с ожесточением фыркает, мотая головой, и убыстряет бег – дорога перед Муруем пошла под гору.

Петр Иванович садится глубже в ходок, крепче сжимает пальцы, до этого лишь слегка упирившиеся в решетчатый верх ходка. Грохот и дрожь ходка не дают говорить, заглушают голоса, и Петр Иванович смолкает.

По бревенчатой стлани Малыш идет шагом. Стлань кончилась, и он берет подъем короткой рысью.

Почтальон натягивает вожжи перед домом с красным выцветшим флагом и с тополями под окнами. На углу дома висит огромный, во весь рост, портрет Мичурина. Великий ученый в длинном пальто и шляпе, с тростью в левой руке разглядывает новый сорт яблони: желто-красные, величиной с кулак яблоки усыпали ветви и сгибают их до самой земли. Преувеличение местного художника не огорчает Петра Ивановича: если еще и нет таких яблок, то скоро будут. Он просит почтальона взглянуть на Мичурина.

– Хороший портрет?

Почтальон смотрит на Мичурина ничего не выражающим взглядом. Каждый день он видит его, картина примелькалась, потускнела, и он не может воскресить первого впечатления, которое у него было в прошлом году, когда портрет, еще не тронутый дождями и снегом, впервые появился на углу колхозной конторы.

– Что, не нравится?

Петр Иванович не может представить, как это – Мичурин! – и вдруг не нравится.

– Хорошо нарисовано, – сдержанно произносит почтальон и чего-то недоговаривает: или не хочет сказать то, что он думает, или не хватает слов. Сосредоточенно взглянув еще раз на Мичурина в саду, наконец обиженно говорит: – Таких больших яблок не бывает. Фантазия.

Петр Иванович непременно бы поспорил с почтальоном, но сейчас нет времени, и они расходятся в разные стороны. Почтальон, привязав коня, зачем-то идет в сельсовет, а Петр Иванович – в контору. До автобуса сорок минут, казалось бы, уйма времени, но еще нужно увидеть участкового – младшего лейтенанта милиции Василия Емельяновича.

Василий Емельянович, в новенькой форме, без кителя и без фуражки, сидел у председателя колхоза. И тот и другой встретили Петра Ивановича радостными возгласами и первые – сначала председатель, а затем участковый – вышли из-за стола и поздоровались с Петром Ивановичем. Оставшись наедине с участковым, Петр Иванович рассказал, что две ночи кто-то ходит около его дома.

Василий Емельянович пообещал дежурить по ночам, пока Петр Иванович не вернется с конференции.

8

Коля и Володя поднялись до половины пологой горы, желтой от песка и глины, изрезанной после дождя частыми колеями.

Слева, из густого ельника, на таежный тракт выходила глубокая лесная дорога; ее последний изгиб перед трактом делился на несколько мелких тропинок и заканчивался длинной узкой канавой, заросшей сосняком и кустарником. При заходе в лес одна из тропинок огибала старую яму, в которой когда-то брали плитняк для каменок в банях. Яма с годами делалась мельче, но все еще была глубокой. На дне ямы даже в сильную жару вода не высыхала, и оттуда тянуло

холодом и сыростью. Пологие края захватили кустарники, ближе к ржавой воде росла желтовато-красная реденькая трава.

В детстве ребята боялись глубокой и страшной ямы. Возвращаясь из леса с ягодами или грибами, они всегда около ямы прибавляли шагу... Теперь это были ушедшие навсегда страхи, и все же Володя и Коля незаметно следили друг за другом: каждый из них знал старую привычку подталкивать на краю ямы. Следя друг за другом, они не выдержали, рассмеялись и побежали от ямы, работая согнутыми локтями и оглядываясь, точь-в-точь как раньше, когда им было по пять, шесть, семь лет...

Дорога часто изгибалась, была засыпана сосновыми шишками. В лужах отражались трава, деревья и небо; по краям отпечатались следы тележных колес и резиновых сапог – кто-то до обеда побывал в лесу и вернулся в деревню. В глазах рябит от брусничника, прячущего под глянцевыми панцирями листьев красные брусничины. Кусты голубики зовут к себе кой-где сохранившимися переспелыми холодно-синими ягодами. Зайдешь – и ягод не наешься, и время потеряешь.

Справа, перед Шкуратовым покосом, стало светлеть небо за деревьями. Ребята свернули на едва приметную в густом ольшанике тропинку и скоро вышли на лесное болото, охраняемое лиственницами-великанами. Одна из лиственниц расколота грозой, издали видна ее красная сердцевина. Тихо. Сумрачно. Прокричала желна. Молча перелетел на другую лиственницу, подальше от людей, ворон. До этого он внимательно прислушивался к лесным звукам и шорохам, доносившимся из глухой пади с мелким засохшим лесом, который был завален когда-то росшими здесь огромными деревьями. Только так кажется, что здесь тихо. Немало драм разыгрывается на болоте и в его окрестностях: во многих местах лежат кучи перьев, большие и маленькие кости.

Эти двое не опасны для ворона, но... нельзя доверяться слишком, и ворон перелетел на лиственницу с более густой кроной. Засохшая толстая ветка была очень удобной: ворон, как только сел, сразу же укрепился на ней, пригнул голову и, невидимый, продолжал наблюдать за людьми.

Лесное болото сверкало маленькими чистыми озерами.

Ребята ходили по мягким, изумрудно-коричневым кочкам, насобирали в ведре на толстое дно красно-белой клюквы. Они бы еще собирали, но вдруг со стороны Шкуратова покоса в кустах затрещало, ребята увидели, как закачалась верхушка тонкой березки, и все стихло.

На болото несколько раз навевался медведь. Правду говорили или кому-то ягод было жалко, но лучшее, о чем подумали и Володя и Коля, это дать стрекача на дорогу, добежать до Каменной ямки, а там никакой медведь не страшен – близко деревня. Показывать свою трусость никому из них не хотелось, и они, хорошо видные со всех сторон, стояли на болоте, ожидая, кто выйдет: человек или зверь? Они снова начали собирать клюкву, и в это время из кустов раздалось:

– Вы что здесь делаете?!

Опоясанный бичом, в самошитных ичигах на болото вышел пастух Яков Горшков. Ребята ждали, когда он подойдет к ним, и заранее побаивались: Яков – мужик строгий.

– Рано, однако, клюкву собирать, в сентябре надо, – сказал Яков, заглядывая в ведро.

– В сентябре от нее одни следы останутся! – ответил Коля.

– Это правда – одне следы, – согласился Яков. – Но ниче, я вам скажу, где много клюквы: на Третьем Индоне! А здесь пускай маленькие ребяташки с бабами собирают.

– Дядя Яша, коров потеряли?

– Потерял.

– Помочь вам?

– Если делать нечего, помогите. Только за мной не успеете, я быстро.

– Успеем!

Яков, мужик хоть и строгий, но веселый, даже в соседних деревнях известен своим замечательным качеством: его никогда не огорчала неудачная охота. На привале он готовил на вертеле подстреленную кем-нибудь из охотников ворону, дятла или сойку и под дружный хохот односельчан, похваливая, съедал жаркое. Об этом его умении поджарить и съесть самую погань, «лишь бы птица была», как любил говорить Яков, знали в деревне все до единого. Те, кто был с ним в близких отношениях, имели право шутить по этому поводу, и, что было не менее удивительно, Яков не только не обижался на шутника, а самым искренним образом смеялся вместе с ним. Закончив смеяться, он, например, вполне серьезно говорил:

– А ты хоть раз пробовал сорочье мясо? Под голодом будешь – от рябчика не отличишь! Я все это на практике знаю, а не с чужих слов!

Отбившихся от стада коров они нашли около Второго Индона. Коровы перешли сухое болото и паслись около узкой и глубокой речушки, сверкавшей у самого подножья Марьиных бугров, возвышающихся над болотом несколькими уступами. Вверху каждого уступа, прерываемая поваленными в несколько этажей деревьями, была тропинка, выходившая на главную тропинку, петляющую по краю леса вдоль болота. Такая же главная тропинка, только более проторенная, была и по другую сторону болота.

Втроем они легко перегнали коров через болото, и на Шкуратовом покосе, около дороги, сели отдохнуть.

– А правда, – спросил Коля, – что дед Аким из-за учебы хотел тебя застрелить?

– Меня-то? – Яков посмотрел на Колю и на Володю, как бы решая: имеют ли они право задавать ему такой вопрос? И не без значительности ответил: – Было дело. – После небольшого молчания Яков, оправдывая и себя и Акима, сказал: – Вам-то что не учиться! Те годы с теперешними и сравнивать нельзя! Хотя нам-то, Горшковым, легче маленько было: отец старый был, в армию его не взяли.

Ребята уговорили Якова рассказать, так как знали эту историю смутно и не от самого Якова.

Все сыновья Акима Горшкова (дочерей у него не было) дальше четвертого класса учиться не хотели. Чего только в войну не делал старик Горшков: самому младшему, Яшке, купил велосипед, патефон. Попросил Яшка матросскую форму – на тебе форму! В Черемхово на базаре достал. Бескозырка была самая настоящая, корабельная!

Надел Яшка матросскую форму, ходит по деревне матросом, а учиться не хочет. Тогда Горшков пошел на крайнюю меру. Очень уж ему хотелось, чтобы сын вырос грамотным. Сам Горшков, как он считал, всю жизнь в темноте прожил, даже читать путем не умел, так пусть хоть сын покажет, на что способна Горшкова родова.

Надо заметить, единственная книга, которую осилил Аким до конца, была повесть Гоголя «Тарас Бульба». И так как это была единственная книга, прочитанная до конца, то Аким Горшков и считал, что это самая лучшая книга. И что бы ему ни говорили, Аким, не колеблясь, отвечал:

– «Тараса Бульбу» знаешь? Нет? Прочитай, тогда говорить будешь! А сейчас тебе говорить со мной нечего!

Одним словом, старшие Яшкины братья сумели отговориться от учебы, а Яшке не повезло, да и время такое наступило – учиться все стали.

Дело было в сентябре. Несколько дней кряду дождик как раз сыпал, мелкий, с туманом, не поймешь – середина дня, утро или вечер. В общем, погода для Акима самая подходящая – ничего никому не видно, не слышно... Как потом говорил Аким, ненастье на него повлияло: маялся он, маялся от безделья, от дождя монотонного и надумал проучить стервеца Яшку как следует.

Пришлепал откуда-то Яшка мокрый, как лягушонок, раскисла на нем вся матросская форма. А надо было ходить ему в пятый класс.

- В школе был? – сурово спросил Аким, зная, что ни в какой школе Яшка не был.
- Какая школа, всю дорогу расквасило! – нудным голосом попытался оправдаться Яшка.
- Где был? – не отступался Аким.
- В зароде играли.
- Кто разрешил?
- Никто. Надо же где-то прятаться.

Яшка ничего не боялся и никогда не врал: глаза выпучит, рот откроет – и слова сыплются, как из пулемета. Уж на что Аким бывал скор на расправу, и то не удержится, разулыбается: сын-то, Яшка, за словом в карман не лезет! Это уж точно, старших братьев, туды их растуды, обскачет! Но оказывается, и самый младший дальше четвертого класса двигаться не хотел.

Аким снял со стены ружье, заложил в него патрон с картечью и говорит:

- Переоденься в сухое, и пойдем.
- Куда? – обрадовался Яшка. Он готов был идти в любой дождь в любую грязь куда угодно, только бы не учиться.

Аким рассердился:

- Чего обрадовался?
- Люблю ходить по дождю!
- По дождю любят ходить дураки.
- Ну и что, мне дураком хорошо.
- Этому тебя в школе учили?
- Нет.
- А чего болтаешь?
- Я не болтаю. Ну, пошли, что ли. Чего стал? – сердился Яшка на мешкавшего отца.

Аким не замечал, как включался с Яшкой в словесное состязание, прибегая нередко к запрещенным приемам, – мог щелкнуть Яшку по затылку или рвануть за ухо. Этот прием отца Яшка знал в доскональности и, быстро отвечая, не менее быстро увертывался от щелчков и оплеух.

На этот раз словесный поединок никто не выиграл – ружье, которое Аким все время держал в руках, несколько отвлекало Яшку. Отец прикинул, как увеличатся его шансы на улице, и он бодро махнул прикладом ружья, указывая на дверь. Яшка, оттолкнув приклад, снисходительно глянул на отца и, не торопясь, вышел в сени. Отец, не опуская ружья, шагнул за ним следом.

- Подними ружье! – приказал Яшка. – Иль повесь на плечо, я не арестованный.
- Шагай-шагай.
- Подними ружье, кому сказано!
- Я тебе сейчас подниму. Кричишь, чтоб соседи услышали? Где же твоя смелость?
- Куда идти? – пренебрежительно спросил Яшка.
- К зароду.

Яшка, не разбирая, сначала по самой глубокой луже, а потом по самой большой грязи направился к зароду.

Аким не выдержал:

- Дороги не видишь, лезешь то в грязь, то в воду?
- Хочу и лезу, – огрызнулся Яшка. Он развязал ворота, хмуро глянул на отца. – Вперед пойдешь, что ли?
- Драпануть хочешь?

Яшка, не удостоив отца ответом, пошел, слегка согнувшись, вперед. Но тут же он вспомнил, что красные идут на расстрел с гордо поднятой головой, и он пошел на расстрел в точности так же. Пройдя шагов двадцать и оглянувшись, точь-в-точь как оглядывались красные, он, не останавливаясь, предупредил отца:

– Будешь стрелять, скажешь, я не люблю, чтобы мне стреляли в спину.

– Ладно, – пообещал отец.

Яшка шел так, будто руки у него связаны за спиной. Ни то, как шел Яшка, ни то, как он держал руки, Акиму не понравилось, и он скомандовал:

– Поднять руки вверх!

Находясь в наивыгоднейшей позиции, Аким не ожидал от сына новой дерзости: Яшка, продолжая шагать к зароду, все так же, не оглядываясь, вытянул назад правую руку и показал отцу сложенную по всем правилам фигу. В другой бы раз Аким изловчился и треснул Яшку по пальцам, но сейчас надо было дойти до места без тычков.

– Стой! – скомандовал он Яшке.

– Не дошли еще, – ответил Яшка. Он нехотя остановился среди мокрого зеленого луга, медленно оглянулся и, сожалея, что все скоро кончится, сказал: – Около зарода интереснее.

Аким зашел вперед Яшки, отпнул подальше в сторону увесистый белый гольш и укоряюще произнес:

– За тобой если не смотреть, схватишь гольш и залепишь родному отцу в голову.

– А ты не лезь первый.

Не дожидаясь разрешения, он двинулся к зароду. Аким с ружьем наперевес поспешил за сыном, ругаясь, что тот пошел без команды. Яшка шел нарочно медленно и соображал, что лучше: быть до конца смелым или, пока не поздно, дать стрекача? И еще одно соображение удерживало его от позорного бегства: Яшка верил, что в последний момент, когда отец прицелится, запоем труба, налетят всадники, отец оглянется – и в эту секунду один из всадников на скаку выхватит у отца ружье...

Яшка подошел к зароду, выбрал травянистый бугор, встал повыше, вглядываясь, не покажутся ли с какой-нибудь стороны красные. Но ниоткуда не было слышно пения трубы, лошадиного топота, и он вздохнул. Отряд явно запаздывал.

– Руки вверх!

Щурясь, Яшка с ненавистью посмотрел на отца и хриплым, не своим голосом ответил:

– Красные не сдаются.

Аким опустил ружье.

– Это ты красный, полная тетрадь двоек?

– Стреляй-стреляй, – сказал Яшка, и в его голосе Аким почувствовал угрозу.

В это время старуха-соседка, Кирпичениха, вышедшая по нужде на улицу, поднялась из крапивы и крикнула:

– Ты что делаешь?!

Аким чуть не выронил ружье. Он увидел старуху, перелезавшую через прясло, потерялся совсем и не знал, что делать. Старуха, воспользовавшись заминкой, подошла к Акиму и без особых усилий разоружила его.

– Старый ты треснутый горшок! – ругалась старуха, волоча за собой ружье. Другой рукой она удерживала Яшку, который не знал, как поступить: вырваться из цепких старухиных клешней и подойти к отцу или подчиниться старухе, которую такой смелой он еще ни разу не видел? Оглянувшись, Яшка замешкался, и старуха сильно дернула его в свою сторону так, что Яшка едва не растянулся на мокрой и скользкой траве.

Подведя Яшку к пряслу, старуха пихнула ногой ружье, оставив его на горшковом огороде, а Яшке скомандовала:

– Лезь через прясло! – И выпустила его руку. Яшка перелез и кинулся бежать и от отца, и от старухи.

Аким обошел вокруг зарод, подбил снизу клоки сена, растеребленного ребятишками, подобрал ружье, валявшееся под пряслом, и, провожаемый суровым старухиным взглядом, поплелся домой, ругая себя и старуху, которой приспичило выйти на улицу именно в это время.

Случай этот всеми троими – Акимом, Кирпиченихой и Яшкой – рассказывался по-разному. Как самый правдоподобный воспринимался старухин рассказ: Горшок, не зная, как заставить сына учиться, повел его на огород и хотел застрелить, а старуха оказалась рядом и спасла Яшку. Позднее в старухин рассказ Яшка внес некоторые изменения, и дальше эта история рассказывалась так, как требовал Яшка.

Он так и не пошел больше в школу. Вырос и безвыездно жил в своей Белой пади. Его дети, двое старших, закончили по восемь классов и уехали дальше учиться. Младшие, еще двое, звезд с неба не хватало, но и отца не подводили: учились себе потихоньку и учились, и Яков был спокоен за них так же, как за двух первых.

9

Жизнь в Белой пади без Петра Ивановича не была полной. И если находились в ней люди, которые с успехом могли что-то делать без Петра Ивановича, будто его не существовало на свете, то, по крайней мере, эти люди составляли меньшинство. За тридцать два года пребывания в Белой пади он настолько вошел в жизнь каждого дома, что даже короткое отсутствие Петра Ивановича чувствовалось.

Да и самого Петра Ивановича, куда бы и насколько он ни уезжал, очень скоро начинало тянуть домой.

На этот раз в особенности ему казалось, что даже за три дня в деревне может случиться что-нибудь, что без него никак нельзя будет, что ему непременно нужно быть дома, что все будет и произойдет без него не так, как должно произойти.

Конференция шла первый день. Было приятно, когда его узнавали учителя из других деревень, которых он, казалось, или не знал совсем, или забыл. Происходила сцена узнавания, припоминались подробности знакомства – и Петр Иванович снова и снова видел, что людям приятно, что они знакомы с ним, и острее чувствовал, что жизнь в главном шла у него верно. Конечно, если бы вернуть лет тридцать – сорок, то Петр Иванович кое-что улучшил, учел бы те моменты, где он промахнулся. Но и так все шло хорошо.

Огорчал его Володин поступок.

Первый раз он вспомнил о Володе, когда заведующий районо читал доклад о всеобщем. Петр Иванович ждал того места в докладе, где о нем должно упоминаться как об одном из опытных учителей района. Еще ни разу не было, чтобы имя Петра Ивановича не прозвучало из доклада, и, волнуясь и не показывая своего волнения, только слегка пересев, как будто ему неловко было сидеть, он и на этот раз услышал свое имя, и снова, как прежде, оглядывались в его сторону молодые и старые учителя, улыбаясь ему и молча поздравляя, но впервые Петр Иванович не ощутил той радости, которая была раньше. Он провел ладонью по коротким синевато-серебряным волосам, обрамляющим широкую лысину с затылка, тяжело наклонился вперед, так, что стул не выдержал и скрипнул, а Петр Иванович продолжал сидеть в такой позе, будто что-то уронил и внимательно разыскивал на полу глазами. Не меняя позы, он исподлобья долго, не отрываясь, смотрел на заведующего, читавшего доклад страстно и непримиримо, и невольно сравнивал чтение доклада заведующим с обвинительной речью прокурора.

Петру Ивановичу казалось: хоть заведующий читает доклад и в зал взглядывает редко, но когда он взглядывает, то успевает увидеть лицо каждого и подумать о некоторых сидящих: а годятся ли они для работы, может быть, их надо заменить? И все сидели с хорошими праздничными лицами, и, глядя на эти лица, невозможно было определить – у кого из них какие-нибудь дела идут совсем плохо?

Петр Иванович глянул на себя со стороны, глазами заведующего, понял, что сидеть согнувшись, с кислым видом нельзя, и он рывком сел прямо, и его серебряная голова с поблескивающей лысиной стала видна всему залу.

Второй раз он вспомнил о Володе, когда конференция кончилась. День был на редкость жаркий, не хотелось ни двигаться, ни о чем думать. Было желание сесть на первую попавшуюся в тени скамейку, расстегнуть воротник и сидеть, но он тут же победил в себе это желание – сделал движение локтями назад, как бы расправляя грудную клетку, побольше набрал в легкие воздуха, раздувая щеки, медленно выдохнул и прибавил шагу.

Во дворах на помойках гудела с тонкими перезвонами мухота, и от ее гудения, монотонного и липкого, казалось еще жарче и хотелось пить. Петр Иванович ступил с высокого тротуара на раскаленную землю, пересек Московский тракт, сделавшийся от частого подсыпания песка и гравия каменным, и вдоль заборов по пыльной траве с редкими кустами белены и крапивы двинулся было к себе на квартиру, чтобы в самую жару полежать в прохладных сенях на старой железной кровати с досками вместо пружин, а уж потом собираться домой.

Мимо Петра Ивановича, перескочив через забор, к киоску легкой и красивой походкой направлялся молодой человек в форме курсанта военно-морского училища. Петр Иванович, не скрывая восторга, посмотрел вслед курсанту. «Если он встанет в очередь, тогда и я подойду... Пить хочется!» Курсант встал в очередь. Петр Иванович подошел к киоску, занял очередь и сразу же отошел к углу киоска, облокотился о дощатый выступ и, отдыхая в таком положении, не отрывал глаз от курсанта и в особенности от его формы. Даже в тени стоять было жарко, и Петр Иванович снял кепку.

Никакого действия, казалось, жара не оказывала на двух человек – на молоденького блестящего курсанта, который стоял в очереди как будто для того, чтобы его хорошенько могли рассмотреть. Другим человеком, не обращавшим на жару никакого внимания, был старик-татарин, живший неподалеку от киоска, рядом с фотографией.

Каждый раз, приезжая в райцентр, Петр Иванович видел его сидевшим на одной и той же скамейке около длинного, приплюснутого к земле дома, и всегда с одним и тем же выражением лица: а не случится ли сейчас что-нибудь интересное на улице? Старику ничего не делалось: голова его на толстой и крепкой шее время от времени запрокидывалась к небу, и было удивительно, как держалась на его стриженной голове разноцветная тубетейка. Казалось, на нем была та же, что и все годы, темно-серая рубаха, застегнутая на все пуговицы, те же рабочие ботинки, та же тубетейка... Красноватая щетина оставалась красноватой, глаза блестели так же зорко и весело, как будто он стоял не за квасом, а ради развлечения.

Напившись, курсант, к окончательному восторгу Петра Ивановича, достал из кармана сложенный вчетверо белоснежный платочек, вытер губы, положил платочек в тот же самый карман. Оглянувшись в обе стороны, он пересек тракт, по которому с шумом проносились машины, и зашагал по тротуару с той удивительной легкостью и значением, будто новый тротуар был сделан для того только, чтобы по нему, приезжая в отпуск, ходил розовощекий молоденький курсант. Петр Иванович смотрел ему вслед с видом человека, выпустившего нечаянно из рук жар-птицу.

Курсант и квас хорошо подействовали на Петра Ивановича: шагалось легче, голову держал он выше и вовсе не был похож на разморенного жарой человека, хотя только что, до встречи с курсантом, Петр Иванович едва передвигал ногами. Желание полежать в прохладных сенях, пока не спадет жара, исчезло.

Он вспомнил, что не купил Володе ни костюмчика, ни ботинок, ни портфеля, и еще более утвердился в мнении, что правильно сделал, что не купил.

«Пусть то изнасит... Сейчас идти на поводу, а что будет через два, три года?»

Окончательно оформлялась у Петра Ивановича и другая мысль, которая была у него, казалось, всегда: Володя непременно будет учиться в военном училище. В семье Мезенцевых это будет третий офицер. А всего в ближней и дальней родне Петра Ивановича одиннадцать военных. Вспомнив, сколько в его родне военных, Петр Иванович подумал: «Если кто-то ходит вокруг дома с серьезным намерением, то все равно не тронет – побоится».

Держа туго набитый, почти круглый портфель под мышкой, Петр Иванович, длинно размахивая свободной левой рукой, вдохнул с огородов запах вянущих трав, приободрился еще более, и его неудержимо потянуло домой, в Белую падь, где все было лучше – и трава, и вода, и хлеб, и воздух...

Пока он переключал на квартире из портфеля в сумку часть книг для себя и для Володи, кое-каких мелких покупок для хозяйства и гостинцев, из головы не выходило одно и то же: как там, на Белой пади?

Пришел хозяин дома, Анисим. Когда-то работал он в районной милиции. Мог бы дослужиться до начальника милиции, исполнительен был и строг, но из-за болезни оставил службу. Жил на пенсию и подрабатывал в какой-то конторе переписыванием каких-то бумаг. Петр Иванович как-то спросил Анисима, что у него за работа, но тот тоскливо махнул рукой, и Петр Иванович больше не спрашивал.

Анисим был моложе Петра Ивановича лет на десять, а выглядел старше и был похож на сморщенный соленый огурец.

«Да-а, – подумал Петр Иванович, глядя на Анисима, – был красавец, а теперь одна кожа осталась...»

– Приезжай-ка ты в деревню, – прощаясь, говорил Петр Иванович. – Моя старуха тебя парным молоком отпоит. Воздух сосновый! Приезжай!

Анисим смотрел на Петра Ивановича с таким видом, будто не сегодня-завтра собирался на кладбище, и на приглашение старого приятеля едва-едва кисло улыбнулся.

– Лучше ты заезжай, когда будешь, – сказал Анисим. – Тебе по пути. – И он улыбнулся одними морщинами.

Петр Иванович шел «на угол», где останавливались машины, и никак нынешний Анисим в гражданской одежде не укладывался в его голове с Анисимом, который был раньше.

10

За три дня в Белой пади ничего существенного без Петра Ивановича не произошло, если не считать мелких событий: все три дня пил конюх Павел Аншуков; Сергей Лохов, старший сын Дементия, без согласования с бригадиром устроил себе выходной и целый день держал на приколе трактор ДТ-54. Первый факт, пьянство конюха, Петр Иванович выслушал от Александры Васильевны спокойно: Павел был неисправим, и единственное, что оставалось с ним делать, – отстранить от всякой ответственной работы. Второй факт огорчил Петра Ивановича самым серьезным образом. Сергей был одним из тех белопадцев, на кого Петр Иванович возлагал немалые надежды.

– Это он зря-я-я сделал, – нервно садясь на край постели, низким хриловатым голосом сказал Петр Иванович. – Из него бы хороший руководитель получился.

– Ну какой из него руководитель? Кем ты его поставишь?

– Бригадиром.

– Не будет из Сергея бригадира.

– Если не перестанет самовольничать, ты права – не будет.

Александра Васильевна не хотела, чтобы муж расстраивал свои нервы, не успев приехать, и она, успокаивая его, сказала:

– Как хочет, так пусть и живет. Что он, маленький? У него уже четверо детей.

– Как хочет? Не-ет, так не пойдет.

– Ну а как пойдет? – из-за здоровья же Петра Ивановича начинала сердиться Александра Васильевна. – Ты про весь лес, а про тебя ни один бес. Погоди, вот увидишь!

– А мне благодарности не надо. Я прежде всего коммунист.

- Это же все твои ученики – что Сергей, что Павел... Я ничего, люди говорят.
- А что говорят люди? – насторожился Петр Иванович.
- Пьяниц держите.
- Павла мы исключили.
- А Сергея?
- Ты Сергея с Павлом не равняй. Далеко не родня!
- Такой же. Напьется и поет на всю деревню: «Ой вы, кони, вы, кони стальные...» Я б ему таких стальных коней показала и дня бы не держала в партии!
- Не спорю, есть у Сергея недостатки. Но если тебя послушать, то в первичной организации Белой пади из девяти человек останется трое-четверо.
- Зато люди не кивали бы головами.
- В партии такие же люди, – убеждал Петр Иванович жену, – их надо воспитывать. А как ты думала?
- Одного уже воспитали.
- Кого?
- Павла.
- Я же тебе сказал: это человек неисправимый. Ты же знаешь, я говорил с ним тысячу раз. Что это за чудо такое? – спрашивал Петр Иванович, начиная снова ходить по комнате. – Если водку, вино и самогонку, которую он выглушил, слить в цистерны, состав получится! Другой бы десять раз сгорел, а ему ничего не делается. Это ж надо быть такому пузырю!
- Детей жалко, – сказала Александра Васильевна, подойдя к окну.
- Что ты там увидела? – Петр Иванович вопросительно смотрел на жену, выражение лица которой с каждой секундой менялось.
- Иди-ка посмотри: Павел с Варкой ругаются. Это ж она похмелиться не дает!
- Качая головой, она со вздохом отошла от окна и села около печи на стулике. Петр Иванович повернул голову к окну, в которое только что смотрела Александра Васильевна, и сказал:
- Третий день пьет?
- Александра Васильевна кивнула.
- Петр Иванович остановился около огромного фикуса, вытянул руку и стал загибать пальцы, начиная с мизинца:
- Кони не кормлены и не поены – беда! Детям – беда! Варке – беда!
- И сам же черный сделался, – посочувствовала Павлу Александра Васильевна.
- Пусть чернеет – не жалко!
- Сказав эти слова, Петр Иванович сорвал пожелтевший фикусовый лист, который он заметил еще в самом начале разговора. С листом фикуса прошел, сел на стул и, срываясь на шепот, с какой-то безнадежностью сказал:
- Как жить с таким народом? Ну вот что делать с Павлом, какое ему нужно воспитание?
- Пропадающая душа, – согласилась Александра Васильевна и зевнула, так как дальше говорить о недостатках в колхозе не хотела и пожалела, что сказала про Илью и Павла, потому что знала, что Петр Иванович легко не остановится.
- Пропадающая душа, ты сказала? Правильно: пропадающая! Илью выгоним – другого такого же Павла получим. Ты этого хочешь?
- А ну их! Что тебе Сергей, что тебе Павел?
- Из Сергея можно человека сделать.
- Делай, делай, только не шуми много.
- Я не шумлю.
- А что говорить по-пустому? Павел – Павел, Сергей – Сергей... Ни один из них не придет, не спросит: Петр Иванович, ну как здоровье?
- Здоровье? Последнее отнимут!

Он повертел в руках лист фикуса, как бы удивляясь, откуда он у него, хотел подняться и выбросить лист в ведро, на кухне, но, поднявшись и сделав один шаг, согнулся над кроватью и бросил лист на подоконник.

– К нам идет! – весело сообщила Александра Васильевна.

– Кто?

– Павел.

Минуты через две, самого Павла еще не видно, раздается его хриплый голос:

– С приездом, Петр Иванович!

И от порога с вытянутой рукой для приветствия подошел к Петру Ивановичу, поднявшемуся со стула, пожал ему руку. Александра Васильевна хотела подать стул, но Павел замахал руками: не надо! Он сел на пороге, разделявшем кухню и большую комнату, на короткое время свесил голову, тяжело вздохнул и, ничего не говоря, уставился мутными глазами на Петра Ивановича.

Петр Иванович смотрел на Павла чуть-чуть с улыбкой и сострадающе.

– Тяжело, Павел Дмитриевич?

– Тяжело...

– Несчастный ты человек, Павел Дмитриевич!

– Да, Петр Иванович...

Павел медленно перевел взгляд на Александру Васильевну, собравшуюся оставить мужиков одних, и, несмотря на свои невероятные страдания, хитро-хитро подмигнул ей. Перед обедом, до приезда Петра Ивановича, он уже приходил и просил у Александры Васильевны три рубля на похмелье, но Варка успела побывать у Мезенцевых раньше, и Павлу было отказано. Он не обиделся – знал, что это Варкина работа, и теперь надеялся получить три рубля у Петра Ивановича. Но как только Павел перестал смотреть на Александру Васильевну, она, уходя, неумело подмигнула Петру Ивановичу: не давай. Павел перехватил ее взгляд, и положение его теперь затруднительно: послушает Петр Иванович жену или не послушает.

Павел сидит на пороге, о деньгах не спрашивает, а все время смотрит в глаза Петру Ивановичу.

Не говоря ни слова, Петр Иванович идет к красному шкапику с голубыми створчатыми дверками, возвращается и энергичным жестом протягивает Павлу две хрустящие бумажки – шесть рублей.

Павел прячет деньги в карман не сразу, а некоторое время держит их перед собой, чтобы ощутить, прочувствовать, что они у него в руках. Только после этого он вытягивает на полу правую ногу в кирзовом сапоге, засовывает шесть рублей в карман новеньких, сильно измятых брюк. Щупает, на месте ли деньги, сгибает ногу, ставит коленом к колену, прицеливается в Петра Ивановича долгим взглядом, кажется: Павел сейчас заснет.

– Павел Дмитриевич! Когда пить бросишь?

– Сегодня, Петр Иванович. Три рубля пропью, а на три сахара возьму – ребятишкам.

– Попадет и мне, и тебе от Варки.

– Не-ет, она на вас не за это сердится.

– А за что?

– За дом.

– Это дом государственный.

– А был когда-то ее.

– Ее? Никогда не был.

– Как не был? Родилась-то она в этом доме! И жила, пока вы отца не раскулачили. Я маленький был, а помню.

– Так и скажи: это был дом ее отца.

– Ну, маленько неточно сказал.

- Надо точно говорить.
- Какая разница, – примирительно сказал Павел, медленно разгибая затекшую ногу.
- Разница больша-а-ая... Тебе известно, сколько коней было у твоего отца. Помнишь?
- Помню, а как же. Ни одного не было!
- А у Варкиного?
- Двенадцать.
- Это только коней!
- Знаю, как же! Я сколько раз замечал: Варка, когда мимо вашего дома идет, смотрит себе под ноги, будто сто рублей потеряла! Я сколько раз хохотал над ней!
- Зачем же хохотать? Лучше бы объяснил ей.
- Бесполезно.
- Почему?
- Баба есть баба, не поймет.
- Ты пробовал хоть раз объяснить?
- Объяснял.
- И что?
- Слушать не хочет.
- Плохо объяснял, – сделал заключение Петр Иванович.

Зашел Володя, вылил в бачок два ведра воды. Павел послушал, как Володя, позванивая ведрами, сбежал с крыльца, проскрипел воротами на огород.

– Он мне помогал мешки с пшеницей на плечо наваливать. Не поверите, вот таким был! – Павел показал от пола с полметра. Заметив, что Петр Иванович с интересом слушает, добавил: – Я, конечно, беру мешок порезче, а Володке кажется, что это он так подбрасывает мешки! Вот такой был! – повторил Павел, снова показывая ладонью от пола. – Что говорить, ласковый парень.

Какую ласковость имеет в виду Павел? Что-то Петр Иванович не замечал за Володей такого качества. Он не стал ни о чем допытываться, сел на стуле, отвернувшись от Павла, задумался.

Павел, кряхтя, как старик, встал с порога, посмотрел в окно и сел на прежнее место. Он несколько раз откашливался, царапая покорябанными ногтями стриженный наголо затылок, поправлял коротенькую, как у мальчишек, челку; прямые черные волосы не слушались и ложились так же, как они лежали всегда, – чуть-чуть наискосок, направо.

Петр Иванович ни о чем больше не спрашивал Павла, не шутил и не смеялся, и Павел так объяснил молчание Петра Ивановича: сердится, что Павел опять загулял и забыл все на свете. Ничего нового тут для Павла не было. Сделать, как предлагал Петр Иванович, – бросить пить совсем или сократить хотя бы наполовину, – Павел не мог, но слушать Петра Ивановича, когда он говорил об этом, было приятно.

Звякнули дужки ведер, поставленных около ворот. Послышались бег, окрики, и Петр Иванович понял, что Володя гоняется за полугодовалым красным бычком, который не хотел пастись за мостом с другими телятами и мог часами мычать у крыльца, требуя капустных или свекольных листьев и мучного пойла. Бычка наконец удалось выгнать со двора, крики теперь слышались на улице, где Володя состязался с красным бычком в беге и хитрости.

Вошла Александра Васильевна, постояла на кухне, открыла шкафчик, положила в горлач свежие куриные яйца, которые она достала из нового гнезда на стайке. Выдвинула из печи большой чугун с теплой водой, оставила его на загнетке, подошла к Павлу. – Чего сидишь?

- Не ругайте меня, тетя Шура.
- Как это не ругайте? Скажу Варке, пусть палку возьмет да палкой тебя! Какой у тебя праздник?

По улице, взглянув на дом Мезенцевых, прошла Варка. Походка бережная, голова с тоненькими завязанными косичками запрокинута, руки безвольно висят вдоль расплывших бедер. Кажется, Варка идет так медленно, плавно и бережно потому, что спит и боится себя разбудить. Под ногами у Варки путаются, ловят друг друга девочка лет четырех и крохотный, недавно научившийся ходить мальчик. Варка не замечает их.

Унылый Варкин вид придает Александре Васильевне смелости.

– Коням сегодня давал?

Павел крутнул головой.

– Поил?

Павел еще раз покрутил головой.

– Сейчас же чтоб напоил и накормил коней!

Поднимаясь с порога, Павел слабо засмеялся:

– А если я в колоду с водой завалюсь? Кто будет отвечать?

– С Володей пойдешь.

– А, с ним можно! Вас, тетя Шура, послушаюсь. А бригадира только что подальше послал. Надоел.

Павел с Володей ушли. Беспокойство Петра Ивановича усилилось. Ему начинало казаться, что окружающие знают Володю лучше, чем он, Петр Иванович, что они как будто состоят в заговоре с Володей и действуют против Петра Ивановича.

Стоя у окна и барабаня по нему пальцами, глядя на давным-давно знакомую картину, – широкое болото внизу, разрезанное посередине узкой извилистой речкой, два моста с перилами, дорогу и вдоль болота, вогнутую стену леса, гудевшего и трещавшего в бурю, – Петр Иванович понял, что надо делать.

– Вот так фунт изюму! – сказал он вслух и перестал барабанить пальцами.

Внутреннее чутье подсказывало ему, что делать ничего не нужно, то есть все делать как можно точнее и спокойнее. Это на поверхностный взгляд и означало, что будто бы ничего делать не нужно. Володя должен видеть, что Петра Ивановича не задели слова насчет учебы, сказанные на днях Володей, что Петр Иванович забыл их, что ничего на самом деле не произошло. Наоборот, считал Петр Иванович, если начать говорить об э т о м, придать э т о м у значение, то все может оказаться хуже.

У Петра Ивановича зануло под ложечкой, когда он, только что успокоившись, подумал: а что, если это х у ж е окажется сильнее?..

В такую ситуацию, как с Володей, Петр Иванович попал впервые. Никогда еще не было, чтобы он боялся сказать своему ребенку то, что он считал нужным сказать. И вот получалось, что он должен поступать против своих правил, что не Володя, а Петр Иванович должен подстраиваться.

«Я ему хочу добра, и он же куражится!»

От этой мысли, оформившейся окончательно только, вот сейчас, когда Петр Иванович чистил картошку, его широкие кустистые брови поползли вверх, нож с большой деревянной ручкой перестал скользить по картофелине, и длинная зигзагообразная шкурка неподвижно повисла над ведром.

Петр Иванович, выпрямившись на стуле, с картофелиной в левой руке и с ножом в правой сидел, соображая, что же все-таки сделать: действовать, как начал, – притворяться, что ничего не замечаешь, нервничать, ждать, что получится... или самому ускорить события?

Надежда на то, что само собой все получится лучше, заставила его вспомнить одну любопытную мысль, которая до последнего времени работала безотказно. Мысль Петра Ивановича, изобретенная им, когда он стал учителем, заключалась в следующем: он разделил своих детей – пятерых сыновей и двух дочек – на похожих на себя сильно и похожих чуть-чуть. Физиче-

ские признаки – нос, глаза, цвет, голос, походка – в счет не брались. Петр Иванович признавал больше всех похожим на себя того из детей, кто лучше учился. Хорошо учишься – похож! А то, что нос или глаза одинаковые, лоб высокий – это само по себе еще ни о чем не говорит.

К шестерым эта теория – «похож и не похож» – подходила как нельзя лучше. Ничего искусственного в ней не было, ничего никому не навязывалось: не хочешь быть похож, не надо, никто сильно просить не будет, но ты все равно будешь чувствовать себя как будто в тени. Купят тебе такие же валенки, такие же ботинки, мать сошьет такую же рубашку, как и остальным, кто лучше учится. Наденешь ты все это – а не то! И валенки, и ботинки, и рубашка на том, кто лучше учится, покажутся тебе лучше твоих. Отец и мать скажут тебе что-нибудь так же, как и тем, кто похож, а тебе будет казаться, что им лучше сказали, лучше на них посмотрели...

Даже когда ты точно будешь видеть: вот в этом, этом и этом все одинаково, похож ты или не похож, но сразу же или немного погодя вдруг у тебя ни с того ни с сего возьмет и испортится настроение, и, скорее всего, окажется, если хорошенько помотришь, что все это оттого, что не похож. А потом и сам очень скоро разглядишь: тот, кто похож, реже сердится, все у него получается; а у тебя, смотришь, явный пустяк – и не вышло! Вот тут и решай, что лучше – «похож» или «не похож»?

Конечно, первое лучше, даже несравнимо лучше! А потом и человек уж так устроен, что долго в тени ему сидеть не хочется – непременно захочется на солнце, чтобы о нем, и чем скорее, тем лучше, сказали: «Похож!»

И вот эта теория играла свою положительную роль, пока все наконец выучились, разъехались кто куда и дома остался с родителями один Володя. Его не с кем стало сравнивать – хороший пример на расстоянии, если это даже братья и сестры, как ни говори, а все ж таки не то! Эта или еще какая-то шестеренка сломалась, а только на Володю пример прилежной учебы старших братьев и сестер должного действия не оказывал.

Сколько раз Петр Иванович останавливался с Володей перед каждым из портретов братьев и сестер! Володя всматривался в лица и, казалось, совсем не воспринимал того, что говорил отец. С тех пор как он пошел в третий класс, братья и сестры домой приезжали редко, даже летом все вместе давно не собирались, и Володя стал отвыкать от них, все время путал, где живут теперь Ваня и Ольга.

Все шестеро то чаще, то реже писали домой, спрашивали, как учится Володя. Просили его учиться лучше, так как «в наше время без грамоты не проживешь». Каждое письмо Петр Иванович, надев очки, зачитывал вслух, некоторые места повторял по два раза и никогда не выбрасывал писем: сначала они хранились в столе, а затем целую пачку он уносил в амбар и прятал в красном дубовом ящике. Лежали там и тетради его детей по чистописанию. Иногда Петр Иванович доставал их и любил рассматривать.

Можно сказать, известность учителя Мезенцева началась с тетрадей его учеников. На районных и областных выставках учителя подолгу рассматривали тетради учеников с Белой пади, как замороженные перелистывали страницы, не в силах понять, как удавалось учителю привить такую любовь не просто к чистописанию, а именно к красивому почерку. Вроде бы не нарушались образцы письма, но что-то оригинальное и неуловимое присутствовало в почерке: страницы, строки, буквы, заглавные и прописные, словно были выплавлены и отлиты из голубоватого серебра; содержание написанного возникало как бы с помощью формы и блеска букв.

Ученика видишь во все времена года – на тонком, прозрачном льду, в котором хорошо видны вмержшие болотные травинки и листья; в зимнем сверкающем лесу, где среди берез, густого осинника и сосен-великанов появилась широкая заячья тропа, ее только что пересек лыжный след охотника; в прошлом году этой тропы здесь не было... Первый весенний гром; первые душистые копны сена... и – лесное эхо работающего на краю поля комбайна. Озерко на болоте, обрамленное пылающими шарами кустарников и ярко-желтыми листьями тонкого

березняка, стало виднее, в нем уже никто не купается... Звонче разносится по лесу за деревней лай собак...

Каждый год приезжали в Белую падь учителя из окрестных сел, инспектора из района и области. Сидели на уроках, смотрели, как преспокойно справляется Петр Иванович с двумя классами, не замечая ни учителей, ни инспекторов, изумлялись разросшимся кленам с широкими резными листьями, с крупными желто-красными цветами и гигантскими, под потолок, фикусами, посаженными в пирамидообразные голубые ящики. С какой робостью и восторгом заглядывали на перемене ученики в кабинет учителя, дверь которого, с длинной стеклянной ручкой, была слегка приоткрыта... Школьный двор, просторный, с тенями от берез и кустов черемухи, с высокими поленицами дров, приготовленными к зиме, оглашается головами ребят, бегающих по зеленой траве...

11

Две ночи Володя и младший лейтенант милиции Василий Емельянович дежурили около дома, и никого не было. И все равно спокойствие в доме кончилось. Пока Петр Иванович не приехал с конференции, Александра Васильевна даже днем боялась ходить к колодцу.

С утра Володя проверял амбар, приамбарок, где был погреб, стайку и напоследок осматривал баню. Александра Васильевна обязательно сопровождала его.

Уходя даже на короткое время, она всякий раз теперь замыкала дом. Дальше своей усадьбы никуда не выходила.

Когда печь была истоплена и можно было на часок-другой прилечь, она продолжала ходить по ограде с озабоченным видом, как будто что-нибудь делала, или выносила стул на террасу, садилась и, отдыхая, поглядывала на соседний, Нюрин, огород. За Нюриным огородом, через дорогу в проулке, еще один огород – с разноцветными ульями, дом с такими же разноцветными ставнями, там живут Петрачок с Петрачихой. Дальше, через падинку, гора, лес, песочные ямы. В сосняке, только поднимешься на гору, новый телятник. На его постройку ушло почти все здание бывшей колхозной электростанции. Свежеобтесанные бревна и драньевая крыша яркими пятнами желтеют из-за деревьев. На Песочной горе тихо, пусто – молодняк на отгонных пастбищах.

Нюра живет одна. В молодости выходила замуж, родила мальчика и оглохла. Мальчик, не прожив года, умер. Через год или два муж бросил Нюру.

Она ходила доить колхозных коров в другой конец деревни, и Александра Васильевна видела ее то рано утром, то в обед, то вечером идущей на ферму или с фермы. Хозяйство у нее оставалось такое же, как при отце и матери. Нюра накапывала полное подполье картошки, солила бочку огурцов и бочку капусты, держала корову, свиней, кур. Как и раньше, росли на больших грядах горох, морковь, свекла, бобы... Столько же росло на огороде подсолнухов: ими были усеяны межи, вся картошка, и это не считая отдельной гряды подсолнухов!

По проулку, в сторону Саянских гор, шло и ехало много народу. Нюры почти весь день не было, и каждый, кому не лень, мог перелезть через старый, покосившийся заплотник. Всего у Нюры насажено было много, и она как будто не замечала поредевших стручков гороха, исчезнувших огурцов, грубо открученных голов подсолнуха... Ей некогда было за всем смотреть, да она ничего и не жалела: когда начинались праздники, Нюра созывала всю родню и соседей, и в ее доме в это время было так же шумно и весело, как и в других домах.

За зиму гости опустошали Нюрины запасы. Весной опять она садила много картошки, делала гряды, поливала их, откармливала свиней, и так же, как у всех, в конце лета по ограде ходила квохтушка с желтыми цыплятами, и Нюра, счастливая, кормила их творогом и размоченным хлебом...

По правую руку от Мезенцевых жила Варка. Первое, что бросается в глаза на Варкином огороде, колодец: сруб хоть и старый, выщербленный, но высокий, чтобы никто не упал в него. В этом краю у Варки и Павла самый глубокий колодец, на дно страшно заглядывать. Зато близко: выйдешь в огород – и колодец. Длинный журавец на могучем столбе виден из любого конца деревни, с любой дороги, когда подъезжаешь или подходишь к Белой пади. Считается: в Варкином колодце самая холодная и самая чистая вода.

Мост и дорога тоже были под наблюдением Александры Васильевны. Если кто-то шел из леса, она издали пыталась узнать, кто идет – свой или чужой?

Кто-нибудь сворачивал с моста в поскотину, шел по тропинке мимо огородов. Все это были свои люди – Александра Васильевна узнавала каждого еще на мосту. Человек делал от моста шагов тридцать, перелезал плотную зигзагообразную изгородь, соскакивал вниз и на некоторое время исчезал из виду – шел по глубокой падинке, захваченной от реки камышом и осокой, и неожиданно выныривал напротив Варкиного огорода.

Приехал Петр Иванович – и как будто гора свалилась с плеч Александры Васильевны: пропали страхи, что-то темное и неизвестное отодвинулось от дома – пряталось где-нибудь далеко от Белой пади, а может, исчезало совсем, ведь не было же никого три дня.

Перед тем как скрыться за лесом и предгорьями Саян, из-за туч выглянуло тяжелое солнце и высветило кухню дрожащими ярко-красными лучами. Мезенцевы по одному подходили к окну взглянуть на закат.

Вечером Петр Иванович рассказывал интересные случаи из своей жизни.

Дементий Лохов, сдав коня сторожу, задержался у старшего сына Сергея и домой шел в потемках. Еще издали он увидел ярко освещенные окна в учительском доме, услышал громкие голоса, смех и догадался, что приехал Петр Иванович.

Пройдя магазин, Дементий свернул на сторону Мезенцевых и теперь шел так близко к дому учителя, что мог коснуться рукой белевшего в темноте штaketника. Свет из окон, глядевших на дорогу, не пробивал густо разросшегося сада, задерживался в его глубине, и сад, освещенный изнутри, казался еще более огромным и таинственным.

Медленно подвигаясь вдоль штaketника, Дементий задел свисавшую над головой черемуховую ветку, обломанную на конце и острую; зацепившись за козырек, ветка, изогнувшись, потянулась за Дементием, сорвалась, резко ударила листьями по соседней ветке. Какая-то птица, собравшаяся заночевать в палисаднике, со страху затрепетала во сне крыльями, затаилась, а затем с шумом вылетела из палисадника.

Смех в доме прекратился, и Дементий услышал густой, легко проникающий на улицу голос Петра Ивановича, как будто говорившего в классе или на собрании.

Ноги сами собой обогнули палисадник и несли Дементия к высоко темневшим воротам с двускатной крышей. Не дойдя до калитки, Дементий взял левее, от угла палисадника до угла учительского амбара прошел по длинной вытянутой полуокружности. В другой бы раз он непременно зашел к учителю, но сегодня – разговор с Колей.

К этому разговору Дементий готовился весь день, пока был в лесу. Кое-какие советы дал Сергей. Пока Сергей говорил, а Дементий слушал, советы были толковые. А вот прошел Дементий по улице – и как будто Сергеевы слова растворились в вечерней темноте, в теплом августовском воздухе, и Дементию хоть садись где-нибудь на скамейке и опять думай.

Он не заметил, как прошел мимо длинной стены сарая, – как будто сделал один большой шаг, – и оказался рядом с Нюриной елкой, нижние ветви которой прикрывали высокий бревенчатый забор. Когда-то собирался здесь табор парней и девчат... Сейчас посидит около ели Арина с Нюрой, присоединится к ним Александра Васильевна, и на этом, кажется, все. Иногда сделают одолжение, придут на лавочку Дедурихины дочери. Бывает, даже запоют что-нибудь, но тут же оборвут песню.

Тихо под елью...

Ступая между высоких изогнутых корней, выходявших на самую дорогу, Дементий сел на лавочку и слился с темнотой, которая особенно была густа здесь, под елью.

Глянул через дорогу на окна своего дома, в одном из них увидел Колю, что-то делавшего за столом. Потом Арина задернула штору, и ничего не стало видно, но Дементию как раз и нужно было увидеть только то, что Коля был дома.

Он посмотрел вдоль деревни, в ту сторону, откуда он только что пришел, и его взгляд невольно задержался на учительском доме: кто-то не закрыл калитку, и окно из ограды желтой длинной полоской смотрело на улицу. И оттого, что калитка была не закрыта и в нее ярко светилось окно, дом Мезенцевых казался еще более праздничным. Ни у кого, считал Дементий, в Белой пади так ярко не горели окна. Казалось бы, ну что тут невозможного: купи две большие лампочки, включи разом – пусть горят! – будет так же светло, празднично... Так же, да не так! Будет только светло, а остального ничего не будет, и получится, что зря будут гореть большие лампочки.

Опять – и это в который раз! – Дементий не был уверен, что сможет поговорить с Колей так, как нужно. Он знал, что сказанное, даже хорошо продуманное, все равно слабее после того, как скажешь, и сильно, пока не говоришь, а только думаешь об этом.

Кто-то шел по дороге. Дементий пересел на край лавочки, теперь он защищен от постороннего глаза не только темнотой, но и широким стволом ели. По походке, по тому, что в этом краю за Нюрой, через проулок к реке, оставался еще один дом, последний, в котором был мужчина, Дементий узнал в медленно шагавшем человеке Петрачка, своего соседа через дорогу. Несмотря на пожилой возраст, Петрачок был всегда румян, как девушка, доволен собой, сдержанно-весел, и, глядя на него, можно было подумать, что в Белой пади он самый счастливый человек. Видимо, и сам Петрачок так считал, потому что ходил по деревне с большой важностью, никогда и никуда не торопился, хотя и чину-то у него было – ветеринарный техник в бригаде. За много лет у Дементия сложилось впечатление, что главное в работе Петрачка – бывать в каждом доме на жаренине. Вот и сейчас, конечно, ветеринарный специалист идет из гостей: сыт, пьян и нос в табаке. «Таким бы специалистом и я был», – подумал Дементий, поворачиваясь все более и более вправо по мере того, как Петрачок подходил к своему дому.

В последнее время поговаривали, что образования у Петрачка мало и что его скоро снимут. Такое обстоятельство Петрачка как будто не огорчало: или он привык к своему положению и не верил, что его можно сгнать с работы, или, наоборот, считал, что его давно пора снимать, и поэтому держался и вел себя так же, как раньше. Петрачок, поговорив с собакой, встретившей его у дома, проскрипел воротами, и Дементий, как будто это было сигналом, поднялся с лавочки.

Заслышав шаги и покашливание Дементия в сенях, Арина стала налаживать на стол.

Дементий сказал, что ужинать не будет, только чаю попьет – что-то никак не может напиться, – и прошел сначала к столу, где Коля, оглянувшись на отца, снова занялся каким-то своим делом – что-то искал в столе.

Арина два раза допытывалась, точно ли Дементий не будет ужинать, сказала, что чай на плите, и пошла в гости к Мезенцевым, захватив сито, которое она брала четыре дня назад, как раз перед отъездом Петра Ивановича на конференцию.

– Куда это ты? – спросил Дементий, когда Коля начал старательно причесываться у зеркала.

– Пройдусь по деревне. Может, где увижу что-нибудь или услышу.

Садясь около стола на лавку, Дементий так тяжело вздохнул, что Коля, усомнившись, сразу же отошел от зеркала, спрятал в карман пиджака расческу и спросил:

– Уморился?

– Нет.

– А что вздыхаешь?

– Мучает меня один вопрос тридцать два года! И знаешь, кто на него может ответить и точку поставить?

– В школу я не пойду, – сказал Коля, чтобы опередить отца и не попасть на какой-нибудь ловко заброшенный крючок. – Хватит восьми классов. Мы договорились с Володей учиться на шоферов и до армии работать в колхозе.

Школу Дементий приберегал к концу разговора, когда Коля должен был понять «вопрос жизни», который не давал покоя Дементию и который мог разрешить один Коля, и больше никто. Два раза Дементий начинал со школы – и все без толку. И в третий раз приходилось начинать со школы, то есть вынуждал Коля. Снова упрется, как в первый раз и во второй, а потом и «вопрос жизни» не поможет... Будет отвечать, как отвечал раньше, Дементий начнет сердиться, не удержится, схватит что-нибудь, вот тебе и культурный разговор будет! Не-ет, не зря все эти дни размышлял Дементий и кое-что придумал!

То, что придумал Дементий, вроде как и придумывать не нужно было, – оно всегда жило в нем, только не было видно, пряталось где-то глубоко и лежало там, как на дне глубокого колодца, дожидаясь своего часа. Можно все сделать, только не надо бояться этого чувства, уговаривал себя Дементий, им только нужно воспользоваться, а не заглушать в себе, как это он чаще всего делал.

Коля не узнавал отца: если бы отец рассердился, закричал, дернул бы за вихор или крутанул за ухо, было бы понятно, и на этом бы все кончилось... Ну, пусть бы погонял еще немного... А то он как будто радовался чему-то...

Дементий наконец поверил, что справится, с чего бы ни начался разговор – со школы или с «вопроса жизни», потому что и то и другое было связано, одно вытекало из другого. Любой ценой Коля пойдет в школу, и возлагалось на него закончить не восемь, а десять классов, и учиться потом не на шофера, не в техникуме, а в институте.

Дементию нельзя было останавливаться, и он говорил, говорил и говорил, стараясь исчерпать «вопрос жизни».

Потом он спросил у Коли:

– Нравится тебе, когда дети Петра Ивановича приезжают домой из города?

– Нравится.

– А мы ниоткуда не приезжаем...

12

В первое утро после приезда с конференции Петр Иванович проснулся на целый час раньше. Наверное, проснулся он от того, что скорее хотелось начать ту жизнь, которую он вел всегда, в которой все было известно, и какие-нибудь новости или неожиданности, как правило, мелкие, незначительные, не могли изменить привычного, размеренного хода, с которого обычно начинался каждый день.

Неприятности никогда не выводили Петра Ивановича из равновесия, и если портили настроение, то ненадолго – Петр Иванович был не из тех, кто мог тратить по пустякам свою жизнь.

Из-за этой черты характера – не придавать значения пустякам, никогда не выходить из равновесия – многим, а может быть, всем казалось, что Петр Иванович удачлив, все у него идет гладко, как по расписанию. И, может быть, кому-то не нравилась эта его удачливость...

По утрам становилось прохладно. Петр Иванович надел телогрейку и шапку, из кухни, одетым, прошел в большую комнату, взял с подоконника ключ (Мезенцевы теперь не забывали закрывать на ночь амбар), и его шаги раздались в коридоре и стихли, как только он ступил с крыльца на землю.

Он услышал громко распевавших в ограде кур, и ему стало весело, что куры своим пением напоминали о себе. Петр Иванович, несколько раз глубоко вдохнув прохладный воздух, остро пахнувший рекой, огородами и прибитой росой пылью, прошел к амбару, сыпанул зерна курам.

Около штабеля с драньем, лежавшим близко к приамбарку, Петр Иванович оперся руками о влажноватую верхнюю жердину изгороди, посмотрел на Саяны, – гор не видно. Лес за рекой чернел на буграх в просветах туманных облаков, поднимавшихся к невидимому солнцу.

Болото, молчаливое днем, сейчас издавало множество звуков, которые, соприкасаясь между собой, рождали новые звуки, и нельзя было понять, кому они принадлежат. Напротив бани в кочках вскрикивал кулик, будто его кто-то крепко держал и он не мог вырваться. Низко летали ястребы, молниеносно пикировали. Промажнувшись, нехотя взмывали вверх. Квохтанье в зарослях мгновенно прекращалось. Не желая прощаться с добычей, ястреб начинал медленно кружить над одним и тем же местом.

На Пастуховой горе к восходу солнца героические женщины (так Петр Иванович называл доярок) справились с утренней дойкой и, громко переключаясь, расходились по домам, чтобы успеть до пастуха подоить своих коров. Из кузницы раздавались удары большого и маленького молотков. Петр Иванович, послушав, как безостановочно разговаривают молотки, не меньше восхитился и работой кузнецов, которые, казалось, так и не ложились спать. Присмотрелся к густой, темно-зеленой траве: подросла ли, будет ли что косить во второй раз, и увидел напротив дранья свежие следы! Они чернели, как будто дымились на росистой траве... Никто никогда не ходил по огороду Мезенцевых к мосту или за реку! Проще было пройти по проулку, который начинался сразу за Нюриным домом.

– Кому-то не спится, – вслух сказал Петр Иванович, пройдя вдоль изгороди ближе к следам. – Кому-то что-то надо, – все так же медленно проговорил он и снова наклонился к забору шагах в четырех от того места, где он только что стоял. Казалось, Петр Иванович еще немного посмотрит следы и займется каким-нибудь своим делом. В конце концов, что такое следы: может, в самом деле кому-то понадобилось пройти к мосту или в лес? Конечно, неуважение – ни с того ни с сего пройти по нескошенной траве в чужом огороде... Но ведь не ходил раньше никто! Другое дело – днем: зашел, поговорили, надо идти к мосту или за реку, – вот ворота, вот дорожка, – иди, не жалко. А чтобы ночью или чуть свет без разрешения... Тут какая-то загадка!..

Петр Иванович хотел отвлечься на что-нибудь другое, но следы притягивали взгляд, заставляли думать: кто прошел, с какой целью?

Следы вели сначала от зарода к штабелю. Оставлены ночью: они не так заметны – трава кой-где успела распрямиться. Вторые следы вели от штабеля к зароду. Кто-то вел наблюдение за домом и ушел утром.

Травы между штабелем и пряслом не было, и Петр Иванович без труда разглядел, что за штабелем натоптано. Ходить сюда даже по малой нужде запрещалось, и это требование Петра Ивановича выполнялось Володей неукоснительно, а больше оставлять следы было некому.

Да, кто-то сидел за штабелем! Драница задвинута на место, кора содрана на жердинах...

Петр Иванович перелез через прясло и, теперь уж не жалея травы, медленно прошел около следов до зарода. От зарода следы вели к бане.

Чтобы не мять траву лишний раз, Петр Иванович поднялся до ворот по тропинке, а затем по меже вдоль прясла вернулся к штабелю. Он бы и по меже не пошел, чтобы не мочить сапоги, но не хотелось скрипеть воротами, чтобы не разбудить Александру Васильевну, – в ее распоряжении было еще полчаса.

Исследуя межу, Петр Иванович оглянулся на дом и увидел, как Александра Васильевна, уже одетая, а затем Володя, взлохмаченный, в майке, показались в окне.

Александра Васильевна подходила к штабелю, когда на террасе появился Володя. Петр Иванович, оставаясь за пряслом, показал на следы в огороде.

– Что это? – сказала Александра Васильевна.

– Вот и я думаю, что? По-моему, продолжение все той же истории. Надо принимать меры.

– Какие меры? – спросила Александра Васильевна, так как сомневалась, что можно принять какие-то меры по одним только следам.

Не отвечая Александре Васильевне, Петр Иванович сделал два-три предположения о том, сколько прошло времени, как был здесь человек.

– Может, сходить позвать кого? – не очень уверенно проговорила Александра Васильевна.

– Не надо никого звать, – сказал Петр Иванович. – Никому ни о чем ни слова, я сам все сделаю.

Володя продолжал смотреть через прясло на следы, и Петр Иванович обратился к нему отдельно:

– Ты слышал?

– Слышал, – ответил Володя.

– Никакой паники, – сказал Петр Иванович, – будем продолжать жить, как будто ничего не случилось. Похуже кое-что было, а с такой чепухой справлюсь! Правда, старуха?

Александра Васильевна кивнула, приободрилась, как будто встала в шеренгу с Петром Ивановичем, и ждала дальнейших приказаний.

Петр Иванович распорядился: Александре Васильевне заниматься хозяйством, Володе остаться на месте, около штабеля, и вести наблюдение. Самому ничего не предпринимать, а все, что заметит, сообщать Петру Ивановичу, а Петр Иванович везде пройдет и все посмотрит.

– И я пойду, – сказал Володя.

– А кто будет старуху караулить? Ты не смотри, что я шучу, дело может оказаться вполне серьезное.

Петр Иванович, ни разу не оглянувшись, скрылся за баней, скоро вышел с другой стороны бани, перегнулся через низкие тынины, посмотрел вправо-влево и вышел в поскотину.

Александра Васильевна сложила в плиту дрова, достала из-за печи осколок полена, чтобы нащипать лучины. Тут же передумала, положила на плиту нож и осколок, взяла подойник и пошла к корове. Издалека взглядом спросила у Володи, где отец?

– К бане пошел!

Александра Васильевна подоила корову, когда Петр Иванович вернулся к штабелю.

– Сыскную бы собаку – и сейчас бы привела по следам! – сказал Володя.

– Где ж ты ее возьмешь?

– В район позвонить. Через два часа приедут.

– Через два часа тут делать будет нечего.

– Почему?

– Прогонят стадо коров, и от следов ничего не останется. Держать до приезда милиции триста с лишним коров мы не имеем права. И что за следы, неизвестно. Мало ли кто прошел! Как докажешь, что наш дом в опасности? Был кто-то четыре раза? Ну и что! Ничего не тронут, даже не сорвано ни одного огурца, ни одного подсолнуха... Чего, скажут, испугались?

– Но ведь ходит же кто-то?

– Ходит.

– Ну и как быть?

– А как хочешь! Сами будем выпутываться... Пока ничего страшного. На всякий случай нужна осторожность.

– Можно мы с Колей сегодня в засаде посидим?

– Не разрешу – вам завтра в школу.

– А завтра?

– Посмотрим, – уклончиво ответил Петр Иванович. – Может, никто больше не появится.

– А если придет?

– Пусть приходит. Попадется мне в руки, не вырвется.

Володя взглянул на высоченную фигуру отца, на его длинные, с мясистыми ладонями руки, на сапожищи сорок пятого размера и поверил: если кто-то попадется отцу, то действительно не вырвется.

– В погреб посадим, когда поймаем, – сказал Володя. – Воды за воротник нальем.

– В погреб, воды за воротник? Я тебя этому учил?

– И еще нос расквасить...

– Не имеем права.

– У него все права, а у нас никаких?

– Это у нас все права, а у того, кто ходит, нет никаких прав: попадется – там его права и кончатся! А пока некого наказывать и не за что.

– Ходит же.

– Мы не знаем, кто ходит и зачем? А вдруг это четыре разных случая?

Александра Васильевна шла с подойником и, пока не поднялась на террасу и не закрыла за собой двери, все оглядывалась на Петра Ивановича и Володю, о чем-то говоривших и только что замолчавших. Они стояли в разных позах, каждый в отдельности, каждый сам по себе: Володя стоял вплотную к пряслу и смотрел на огород, а Петр Иванович стоял боком к Володе и в упор смотрел на штабель, как будто хотел разобрать его и посмотреть, а что там – на дне.

Она затопила плиту, выглянула в окно, увидела мужиков, все так же стоявших по одному: один у прясла, другой у штабеля.

Когда вовсю повалил дым из трубы, Петр Иванович сказал Володе, что на сегодня разговор окончен. Он попросил Володю принести ключ от школы и вышел на улицу. Пастухи гнали коров за мост. Около школы он подождал, когда Дементий с Яковом прогонят коров в проулок.

– Дементий Корнилович, задержись-ка на минутку.

Дементий слез с коня, выжидательно посмотрел на учителя, зная, что просто так, по пустяку, учитель не остановит.

– Помнишь, Дементий Корнилович, ты рассказывал про какого-то мужика с Исаковки? Спрашивал, где я живу?

– Как не помнить, в двух шагах от себя видел. Так же, как тебя!

– Ты его больше не встречал?

– Нет.

– Не тот ли это мужик...

– Так-так... – заинтересовался Дементий и от любопытства и нетерпения переступил с ноги на ногу и застыл в позе, в которой он любил стоять, – одна нога чуть-чуть согнута, и от этого одно плечо ниже другого.

Петр Иванович медлил, будто решал, говорить или не говорить Дементию, и наконец сказал:

– Ночью кто-то около дома ходит: то сам покажется, то след оставит. Кто бы это мог быть, как ты думаешь?

– Какой он из себя, не видел?

– Ночью я и не рассмотрел. – Петр Иванович перевел взгляд с Дементия на школьные окна, вымытые вчера и начинавшие блестеть все сильнее, – всходило солнце.

– Что-нибудь взято? – спросил Дементий.

– В том-то и дело, что нет.

Дементий расхохотался:

– Чего же тогда ходить?!

Рыжий конь, до этого смиренно стоявший за спиной Дементия, резко мотнул головой, но Дементий успел поймать выскользнувший из рук повод. То, как Дементий поймал ременный повод почти у самой земли, заставило Петра Ивановича бросить быстрый взгляд на соседа и подумать: хоть сосед и начинает иногда жаловаться на лому в ногах и поясице, но пока что он и ловок и здоров, как бык.

– Я, Петр Иванович, так думаю: кому-то делать нечего, вот он и ходит!

– Отпадает.

– Почему?

– Ну, сам посуди, – рассуждал Петр Иванович, – кому охота неизвестно зачем ходить ночью около чужого дома? А потом... это небезопасно.

– Для кого?

– Для того, кто ходит. Я ведь долго не буду смотреть, – пригрозил Петр Иванович, как будто тот, кому он говорил, мог слышать его.

– А что ты сделаешь?

– Застрелю, как собаку! – сказал Петр Иванович, хотя на самом деле ни в кого стрелять не собирался.

– Сколько раз был? – мрачновато спросил Дементий.

– Пять или шесть раз, – ответил Петр Иванович.

Кто-то появлялся около дома не пять или шесть раз, а четыре, но Петру Ивановичу, казалось, что он не прибавляет, что наверняка кто-то был не четыре раза, а больше.

Дементий согнал с лица недоверчивое выражение и крепко задумался. Потом спросил:

– Что думаешь делать?

– Пока ничего.

– Зря ты так, Петр Иванович.

– А что ты предлагаешь?

– В милицию надо заявить. Чего ждать?

– Успею.

– Кто его знает, – озабоченно сказал Дементий. – Медлительность в таком деле ни к чему.

Учитель и пастух пересекли дорогу, скрылись от посторонних глаз в проулке и возобновили разговор, когда прошли Нюрину баню. Дементий вел коня в поводе, слушал Петра Ивановича, изредка взглядывая на него, будто делая одолжение, и не задавал никаких вопросов. Спустились с горы по проулку, взошли на мост. Когда они стояли и говорили на углу около школы, там Дементий был не совсем в своей тарелке – Петр Иванович около школы был важнее Дементия. Но зато здесь, за мостом, чем ближе лес, тем вольней чувствует себя Дементий! Они идут по стлани, учитель рассказывает и не поймет, слушает его Дементий или не слушает, – как будто занят какими-то своими лесными мыслями.

– Это он! – не глядя на Петра Ивановича, говорит Дементий. – Больше никому.

– Кто?

– Тот мужик, которого я видел. Мы вон там встретились, – кивком указал Дементий, – за вторым мостом. Гоним коров, из Тонкой падушки, выходит из сосняка. Как раз оттуда, где Торух деготь гнал!

Петр Иванович смотрит за второй мост, где у самой дороги, только свернешь с моста влево и зайдешь в лес, на маленьком склончике все еще валялись обломки желоба, поржавевшие обручи от дегтярных бочек и куски черной, обугленной бересты.

– Что ты тогда заметил? – спросил Петр Иванович, когда они перешли второй мост и остановились на том месте, где Дементий разговаривал с мужиком.

– Вот, на этой лужайке! – Дементий сделал впереди себя полукруг руками, показывая, где стоял он, Дементий, а где – мужик, вышедший из леса... – Только я тогда, не так стоял, как сейчас, а сидел на коне.

Петр Иванович отказался, когда Дементий хотел поставить его точь-в-точь, как стоял мужик. Тогда Дементий попросил учителя подержать коня, а сам перешел на другую сторону лужайки, огляделся вблизи себя вправо-влево, отступил еще немного от Петра Ивановича.

– Здесь стоял!

– Зачем такая точность, – с безразличием проговорил Петр Иванович, ожидая, что Дементий расскажет о каких-нибудь более существенных подробностях. – Можешь рассказать, как одет был, какого роста?

– Не торопись, – попросил Дементий.

– А я не тороплюсь, – все с тем же безразличием сказал Петр Иванович. – Я за тебя беспокоюсь: Яков один коров погнал.

– Это маловажно, – ответил Дементий и посмотрел в ту сторону, куда Яков только что прогнал коров. За поворотом отчетливо были слышны мычание коров, удары бича, похожие на выстрелы, и крики Якова. Петр Иванович чувствовал себя неловко, что задержал второго пастуха, и не знал, как быть: довести начатый разговор до конца или сказать Дементию, пусть гонит коров, а вечером они встретятся.

– Дементий Корнилович, может, вечером поговорим?

– А почему не сейчас?

– Некогда тебе.

– Петр Иванович, – Дементий осуждающе покачал головой, – что, уже у нас коровы стали важней человека?

Дементий привязал коня к ближайшей сосенке, вернулся.

– Помнишь, Петр Иванович, я приходил в баню мыться и рассказывал про этого мужика?

– Помню.

– Он мне сразу не понравился: чего ж ты, думаю, сукин сын, спрашиваешь, а в деревню не идешь?

– Рост, сколько лет, как одет был, не помнишь?

– Росту высокого. Что говорить, зда-а-ровый мужик! В сапогах.

– Черный, белый?

– Черноватый будет. Кепка на голове. А вот в пиджаке или в рубашке был, не помню.

Кажется, в пиджаке...

– Яков Горшков тоже видел его?

– Нет, Яков не видал. Он был за Третьей дорогой. А я проехал вперед, смотрел, чтоб коровы перед мостом в лес не зашли. Солнце было перед закатом, домой гнали коров! Не понравилось мне еще вот что: мужик свернул в лес, туда же, откуда вышел. Прогнали мы коров за мост, оглядываюсь – никого нет из леса. Перед деревней оглядываюсь – нет человека из леса! В проулок поднялись, я последний раз оглянулся – нет никого. Ну, не идет, и не надо, я этому большого значения не придал. А вот теперь, как ты сказал, я и подумал: чего бы ему прятаться в лесу, с какой целью?

– Дементий Корнилович, не сможешь ли ты проскочить на Исаковку и узнать, кто там из новых появился?

– Почему не смогу? Сегодня спрошу. Мы от Исаковки пасем в трех километрах!

– Когда будешь спрашивать, не распространяйся, – попросил Петр Иванович. – Поинтересуйся так, между прочим.

– Это конечно.

Дементий, не торопясь, доехал до поворота и только потом слегка пришпорил коня. Петр Иванович смотрел вслед, пока он не скрылся за деревьями.

Еще дней десять назад Петр Иванович собирался сходить на свой покос и посмотреть большую копну. Завалиться копна не должна бы, но ветер мог сбросить вершину, копна могла наклониться, и тогда ее надо было поправить. Для этого случая грабли Петр Иванович оставил под копной. Идти было недалеко, километра два.

Пока Петр Иванович шел по дороге вдоль болота, его не покидало ощущение, что кто-то смотрит за ним. Он прислушался – ни один сучок не треснул нигде. Ему начинало казаться, что кто-то, приотставая, идет за ним: дорога вдоль болота мягкая, заросла травой – ничего не услышишь. Петр Иванович несколько раз останавливался и ждал, тогда, может быть, тот, кто шел за ним, тоже останавливался и ждал, когда Петр Иванович пойдет дальше.

Чтобы убедиться, что на самом деле ничего нет, Петр Иванович один раз очень быстро обернулся и пошел назад. Никого не было. Он постоял на дороге, удивляясь, откуда у него такое ощущение: лес, который он хорошо знал, исходил за много лет вдоль и поперек, теперь был как будто враждебен ему. Вон те две старые березы, согнувшиеся над непролазным осинником, Петр Иванович видел, наверное, тысячу раз, укрывался под ними от дождя, лет пятнадцать назад под этими березами у Петра Ивановича стояло две поленицы дров, а сегодня березы казались незнакомыми, переставленными к Первой дороге из другого леса.

Подлесок или настолько густ, что ничего не видно в двух шагах, или в просветы между деревьями через болото виден сосновый лес на горе, в котором лает и лает собака, и ее голос многократным эхом разносится по лесу. Дорога опускается все ниже, путь преграждают упавшие деревья; объезд завален желтыми поломанными сучьями и торчащими как попало зелеными ветками.

В глубокой пади, выходящей на болото, покос Мезенцевых. В последнее время Петр Иванович накашивал здесь только одну копну. Но и это было хорошо: в колхозе много скота, и рассчитывать на сено из леса не приходилось. Вся надежда на зеленку со своего огорода да на молодую осоку с болота. Тут уж, правда, было раздолье: болото широкое – коси, сколько хочешь! Все-таки лучше, чем солома. И Петр Иванович накашивал напротив дома или на хуторе два воза осоки, а зимой перевозил ее к зароду и сбрасывал огромным ворохом рядом с плотно слежавшейся зеленкой. Потом всю зиму сколачивал-смешивал с зеленкой или сеном и давал корове.

Петру Ивановичу было приятно увидеть за деревьями, около густого березняка, свою копну. С подветренной стороны копну поддерживали жердинки потолще, связанные березовые прутья, заброшенные на вершину копны, лежали так же, как их забросил и прибил граблями Петр Иванович, и копна только чуть-чуть смотрела вправо. Петр Иванович поправил ее, обтеревил еще раз снизу, заново завершил.

Стоило ему прекратить работу и начать спускаться в конец пади, где было много смородины и тонких высоких кустов, названия которых он не знал, и снова вернулось то же самое ощущение, которое у него было, когда он шел к покосу. Речка была далеко, на середине болота, а тропинка через смородиновые заросли вела к холодному ключу, из которого Мезенцевы пили воду, когда косили и убирали сено.

Солнце едва-едва поднялось над лесом, и около болота было прохладно и сумрачно. Выйдя к зарослям с пожелтевшими листьями, Петр Иванович увидел наискосок через болото свою деревню, окутанную утренней дымкой, различил в ней фигурки людей. Листья и стебли среди маленьких ключиков и ямок с холодной водой пахли так дурманяще, что Петру Ивановичу казалось, будто он только что горстями ел смородину. Из-под самых ног взлетели два бекаса, вскрикивая, сделали круг над болотом и упали в кочках близко от старого места, будто хотели, чтобы Петр Иванович спугнул их еще раз.

Напившись из ключа, Петр Иванович огляделся в оба конца болота, вернулся к копне, сел на гладкую березовую колодину закурить перед дорогой. Комаров не было, если не считать тех, которые прилетели за ним с болота. Он отгонял их папиросным дымом. Сидеть было одно удовольствие: деревня близко – можно быстро прийти домой, и место глухое. После райцентровской духоты, пыли и суеты не верилось, что снова он дома, дышит лесным воздухом, пьет воду из лесного ручья, слышит звенящий писк комаров, который ему тоже приятен, видит, как перепархивает с ветки на ветку маленькая синичка, похожая на разноцветный мыльный пузырь, как деловито снуют по колодине красные и черные муравьи.

Разговор с Дементием о незнакомом мужике, вышедшем из леса по Первой дороге, заставил Петра Ивановича вспомнить случай, который произошел с ним в двадцать девятом году. Тогда Петр Иванович еще не был учителем, а работал секретарем в сельсовете и жил не на Белой пади, а в Грязнухе, в пятнадцати километрах отсюда.

Председателем Грязнухинского сельсовета был мужик неграмотный, только умел расписываться, всю бухгалтерию вел Петр Иванович.

Косил он один раз сено для сельсоветского коня. Чтобы не было никаких разговоров, что вот, мол, власть забирает себе все лучшее, Петр Иванович выбрал самый дальний покос. Косил с ночевой. Место было глуше белопадского – смородины черным-черно, не срублено ни одного дерева...

Два дня Петр Иванович косил как ни в чем не бывало. Утром и вечером жег костер, спал около сосны под телегой. Лошадь ночью паслась, а днем больше стояла около дымокура.

На третий день Петр Иванович почувствовал что-то неладное. Кажется ему, что кто-то ходит вокруг покоса: то как будто ветка хлестанет, то сучок треснет... С ружьем за плечами косить не будешь, но кое-какие меры предосторожности Петр Иванович принял: зарядил ружье крупной картечью и положил на прокос, остальные патроны рассовал по карманам и принялся снова за работу. Машет косою Петр Иванович, поглядывает по сторонам, прокос у него широкий – вполкруга.

Во время отдыха делал вид, что чем-нибудь занят, а сам прислушивался и, поворачиваясь, успевал бросить быстрый взгляд то по сторонам покоса, окруженного таким густым лесом, что в нем никогда не было солнца. Ни одной птицы не было слышно в этом лесу.

В такой неприятной косьбе прошло полдня. Сначала Петр Иванович думал, что около покоса зверь ходит, и, скорее всего, медведь. Петр Иванович, хоть и рано еще было, отбил косу: все-таки металлические удары, испугается зверь. Только бросил он отбивать косу, затрещали сучья в другом месте. Петр Иванович взял сумку, висевшую в тени на березе, достал из-под свежескошенной травы бутылку с холодным чаем и стал обедать. Привалился к березе спиной, наворачивает ржаной хлеб с салом, запивает холодным чаем из бутылки – и как будто нет ему никакого дела до того, что кто-то ходит около покоса.

Петр Иванович начал догадываться, что скрадывает его человек. Столько раз он точил брусом косу – звон слышно за километр, удары молотка, когда отбивал косу, еще сильнее, – зверь бы давно ушел.

Собрал Петр Иванович из рядка позавчерашней сухой травы, бросил под березу, лег на живот, и ружье рядом, только руку протянуть. Смотрит, из березняка выходит Алексей Зуйков, мужик с Грязнухи. За плечами – ружье. Лицо у Алексея красное, будто он только что из бани.

– Куда, Алексей Гаврилович, путь держишь? – поздоровавшись, спросил Петр Иванович.

Алексей молча снял ружье, поставил к березе. Движения медленные, как будто он обдумывает каждый свой шаг. Из кармана солдатских галифе, заправленных в дырявые сапоги, достал неполную бутылку самогона, сел, попросил у Петра Ивановича стакан или кружку. Петр Иванович подал кружку, разложил на газете хлеб, сало, огурцы и сел шагах в двух от Алексея. Алексей налил в кружку самогона, бутылку, чтобы не разлилась, долго вдавливал в траву.

– Далековато сел, Петр Иванович, – сказал он, установив бутылку. – Значит, не уважаешь меня!

– Я только что пообедал, – сказал Петр Иванович. Алексей подвинулся к нему вместе с закуской, бутылкой и кружкой. Долил кружку полнее и протянул Петру Ивановичу.

– Выпей.

– Я в жару не пью.

– Во всем, Петр Иванович, у тебя порядок. В выпивке – тоже.

– И тебя я сильно пьяным ни разу не видел.

– Это так, да что толку.

– А какой тебе толк нужен?

– Я вроде пьяным никогда не бываю и трезвым себя не помню. Так все, трали-вали.

Алексей некоторое время смотрел на самогон, похожий на мутноватую воду, осторожно переставил кружку поближе к Петру Ивановичу.

– К тебе иду, Петр Иванович.

– Ты уже пришел.

– Я еще утром пришел.

– Это ты ходил трещал валежником?

– Я.

– Заставил меня отбивать косу раньше времени! – Петр Иванович засмеялся.

– Как так?

– Я думал, медведь ходит.

– Медведь что, человека надо бояться.

– Я с тобой, Алексей, не согласен. Меня ты, конечно, не боишься, так же, как и я тебя.

– Как сказать... Я-то тебя не боюсь, а ты меня должен бояться.

– Ты не страшный, что тебя надо бояться. Бороду кудлатую постриги, надень новые сапоги, галифе можно эти оставить – и сойдешь за жениха первый сорт!

– Ты мне и невесту подыскал? – Алексей в упор смотрел на Петра Ивановича.

– Невесты сами прибегут, как увидят, что на тебе рубашка и сапоги новые!

– Все шутишь, Петр Иванович.

– Не все же время серьезным быть. Ты разве не знаешь, что смех – лекарство от всех болезней?!

– Правда, что ли? – не поверил Алексей. – А я думал, кто часто смеется, тот быстрее старится. Морщин-то прибавляется! Разве не так?

– Не-е-ет, наоборот!

– Живешь и не знаешь, что полезно, а что вредно, – мрачно произнес Алексей. – Выпил бы, Петр Иванович? Что ей стоять – выдыхается!

– Я люблю косить на свежую голову. В лесу человек должен быть трезвым.

– От стакана не опьянеешь.

– А во рту испортишь.

– Ну, тогда я выпью, Петр Иванович. Я, можно сказать, на твоём дне рождения присутствую.

– До моего дня рождения еще два месяца.

– А второй день рождения сегодня. Я тебя, Петр Иванович, должен был сегодня застрелить.

– За что? – Петр Иванович спросил так, будто его нисколько не задело то, что сказал Алексей. Не отвечая на вопрос, Алексей, отставив кружку с самогом, продолжал:

– Два раза прицеливался... Похожу-похожу, прицелюсь – и не могу! Веселый ты мужик!

– А если б был невеселый?

– Наверно, застрелил бы.

– Не наговаривай на себя, никого бы ты не застрелил. Это тебя Чемизовы научили.

– Откуда ты знаешь?

– Догадываюсь. Сколько они тебе пообещали? – поинтересовался Петр Иванович.

– Пять тысяч и телку в придачу.

Не понять, отчего лицо у Алексея делается кислое, недовольное, – или оттого, что поддался на уговоры Чемизовых, или оттого, что они мало заплатили.

– Получил и то и другое? – спросил Петр Иванович, когда Алексей перестал хрустеть огурцом.

– Деньги получил, а телку, сказали, потом.

Петр Иванович презрительно хмыкнул, затем произнес звук, похожий на «пфи». Все с тем же выражением лица долго смотрел на Алексея, потом сказал:

– Я думал, что я дороже стою! Допустим, так меня оценили Чемизовы, а ты что же, не поторговался?

– Я не из-за денег, Петр Иванович...

– А из-за чего?

– Ты все пишешь и пишешь... От тебя ни поросенка, ни куренка не спрятать! Все ты найдешь, все ты выкопаешь. До тебя был секретарь сельсовета, мы горя не знали: держишь четырех свиней, а пишешь две, вместо двух коров – одну. Налог-то меньше! Сам посуди, есть разница?! Я за три года ни одной шкуры не сдал! Нету, говорю.

– Ни одной шкуры не сдал, а в рваных сапогах ходишь! – сделал замечание Петр Иванович.

– Веселый ты, – похвалил Алексей. Вылил в кружку остатки самогона и сразу же выпил.

– Я-то веселый и без вот этой штуки. – Петр Иванович кивком указал на пустую бутылку из-под самогона. – А зачем ты государство обманывал?

– Не говори, Петр Иванович, пропал я совсем. Что теперь будет?

– Я сейчас на коня – и в милицию. А ты можешь отдохнуть под телегой. Не вздумай деру дать, а то милиция придет, а тебя нет. Тогда хуже будет.

– Убьют меня Чемизовы, – сказал Алексей.

– Не бойся, – успокоил его Петр Иванович, – не такие уж они храбрецы.

– Петр Иванович, как ты так делаешь: сел, поехал...

– А что?

– Я бы на твоём месте забрал у меня ружье, а уж потом – на коня.

– Зачем мне твоё ружье?

– Вот ты отъедешь, а я возьму и полосну тебя жаканом! Я ведь не промахнусь.

– Не полоснешь.

Алексей взял ружье, вынул из ствола патрон, бросил на прокос, ружье поставил к березе.

– Езжай, Петр Иванович!

– А ты, Алексей, не такой уж тихоня, как я думал, и гораздо умнее.

Алексей как-то дико захохотал:

– Сейчас, Петр Иванович, дураков нет, революция всех выравняла!

– Может, и не всех, но ты прав.

– Победил ты меня, Петр Иванович. Что же я теперь буду делать?

– А что такое?

– Сейчас ты одно говоришь, а ну как потом скажешь другое?

– Я слов на ветер не бросаю.

Пока Петр Иванович, сидя на гладкой березовой колодине, курил и вспоминал, над лесом поднялось чистое розовое солнце и осветило глубокую падь, на дне которой стояла копна и от которой метрах в сорока на колодине сидел Петр Иванович. Правый рукав и пола телогрейки стали горячими, будто он сидел у костра.

С березы, кружась, падал осенний лист. Петр Иванович проводил его взглядом, пока он не коснулся земли.

Как будто проснувшись и опаздывая, на той стороне болота, около хутора, заработал мотор у комбайна: выхлопы резкие, от которых, кажется, вот-вот разлетится выхлопная труба. Затем мотор заработал спокойнее, а еще немного погодя рокот превратился в гул – комбайн двинулся по массиву. Петру Ивановичу казалось, что он видит, как сыплется в бункер первое утреннее зерно.

Странное ощущение было у Петра Ивановича, когда он шел домой: в его памяти всплыла фигура то Алексея Зуйкова – коренастого, чернобрового, с диковатым смехом, почти всегда с ружьем за плечами, то – Дементия Лохова, и как будто это было одно и то же лицо.

14

Дементий догнал Якова Горшкова перед Татарскими полями, когда тот загонял коров в лес. Половина стада свернула с дороги и трещала сучьями среди черных от прошлогоднего пожара сосен, другая половина, заметив, что нет второго пастуха, устремилась по дороге к Татарским полям. До этого смирные с виду коровы мчались, задрав хвосты и неуклюже выбрасывая задние ноги, как будто спасались от паутов и слепней. Яков стегал непослушных коров длинным бичом с короткой ручкой, заставлял их на бегу сворачивать в лес.

Минут через двадцать пастухи ехали рядом, изредка покрикивая на коров, высоко поднимавших голову и смотревших в сторону Татарских полей.

Стадо вышло из обгоревшего леса и спускалось в узкую лошину, тянувшуюся километра четыре и упиравшуюся в топкое болото с гнилым березовым лесом. До слуха стал доноситься глухой отдаленный шум. Скоро можно было увидеть: из-под каменных глыб косогора падал с высоты ключ, образуя на дне лошины два озера, окаймленных желтым песком; и вода, и песок ослепительно сверкали на солнце.

Недалеко от ключа стоял балаган, в котором когда-то ночевали покосчики. Пастухи накрыли его новой берестой и спасались в нем от дождя. Около балагана Яков с Дементием соскочили с коней, расседлали их. Стреноженные кони неловко прыгали друг за другом, удаляясь от табора.

Пастухи разложили на траве потники и кожаные седла, занесли в балаган сумки с обедом. Теперь Дементий придремнул бы на солнце, а потом проехал бы в конец лошины посмотреть за коровами и заодно проскочил бы к Сергееву озеру и проверил, нет ли около перехода уток. Глядишь, вечером или утром была бы утиная похлебка. И то и другое отпадало: надо было рассказать, что кто-то ходит по ночам около учительского дома, договориться с Яковым сегодня же съездить на Исаковку и узнать, что там за новый житель появился.

Яков готов был ожидать каверзного случая где угодно и с кем угодно, но только не в Белой пади и не с Петром Ивановичем. Он потуже натянул кепку, так, что одного глаза не стало видно за козырьком, и спросил:

– Мужика, которого ты видел за мостом, хорошо запомнил?

– Сразу узнаю, – сказал Дементий, сворачивая самокрутку. Он сидел на траве, подогнув под себя ногу, и, казалось, весь был поглощен только тем, как потуже и красивее свернуть самокрутку. Яков, лежавший на разостланной телогрейке, тоже сел и закурил. Дым выдыхал вяло, губы его при этом кривились, будто курил по принуждению или не нравился табак. Медленно сдул пепел, приподнял изогнутый козырек кепки, из-под которого сверкнул второй глаз, и спросил:

– Как думаешь, из наших краев?

– Думаю, что нет.

– Если не из наших, то откуда? Издалека не станет ходить.

– Почему не станет, – возразил Дементий. – Кому надо, придет за тысячу километров.
– Схватить бы его надо, связать – и в контору. Там бы разобрались.
– Как ты его схватишь, – сказал Дементий. – Мы едем, орем по лесу, он нас за километр обойдет. А захочет, спрячется рядом и будет слушать, о чем мы тут с тобой говорим. Вполне может быть.

Яков хмуро оглянулся по сторонам, будто хотел убедиться, а не прячется ли кто-нибудь в ближних кустах или за деревом, и сказал:

– Нам тайга знакомая.

– Тайга-то знакомая, да в ней триста ворот, – сказал Дементий.

– Попадется.

– Может, и встретимся, каждый день в лесу.

– Куда он денется, – рассуждал Яков. – Здесь мы с тобой пасем, за Харгантуйским мостиком – тоже пастухи. На хуторе не спрятаться – лес редкий. Надежнее всего ему сидеть в Харгантуйском лесу, по той дороге мало кто ездит. Там хорошая ловушка на Ильиной заимке – амбар стоит и колодец. Да-а, утром бы или ночью проверить...

– И тут недалеко такая ловушка, – сказал Дементий. – Дом на Татарском, в котором Маша жила!

Дементий съездил на Исаковку. Никто из новых жителей за последнее время на Исаковке не появился.

Утром Яков Горшков рассказывал в бригадной конторе, что около Белой пади, а точнее, около дома Мезенцевых, появляется по ночам какой-то человек. Раз этого человека видел за мостом Дементий...

Мужики сидели на длинных скамейках вдоль стен, на подоконниках и даже на столе, за которым, низко склонившись, сидел бригадир с мальчишеским лицом, в берете, в нейлоновой куртке с застежкой молнией. Он недовольно смотрел на Якова, будто Яков вместо того, чтобы заниматься делом, отнимал время и у себя и у других. Бригадир бы давно попросил его «говорить короче и ближе к делу», но Яков говорил что-то не совсем обычное, и бригадир, оставаясь все так же недовольным, продолжал слушать его. Изредка поглядывая на пастуха, он чертил блестящим концом авторучки какую-то незамысловатую, фигуру на столе, кажется, у него выходила зигзагообразная непрерывающаяся линия. Он чертил все медленнее и наконец перестал – бросил авторучку на стол, будто она ему больше не понадобится, отклонился от стола, взгляд его тяжело уперся в Якова.

– Ты, Яков, всерьез все говоришь или вы с Дементием от скуки придумали?

Сразу же после этих слов бригадира исчезло напряжение, с которым сидели и слушали мужики, все зашевелились, заговорили, стали закуривать.

– Кто тебе сказал про этого мужика? – спросил бригадир у Якова, и сразу же стало тихо.

– Дементий.

– А ему кто?

– Петр Иванович.

– Ничего не слышал, – сказал бригадир, оглядывая лица мужиков. – Везде ездю, всех вижу, ни от кого – ни слова. Петра Ивановича позавчера видел в конторе... Наверно бы, он сказал, если бы что-то плохо было. Сколько, ты говоришь, как этот человек у нас появился?

– Неделя будет.

– А точнее?

– Может, побольше недели...

– Дементия бы послушать. Где Дементий?

– Пошел за конем.

Колхозники, сидевшие на подоконнике, как по команде, повернулись к стеклу и посмотрели в сторону конного двора.

– Идет!!

– Коня сейчас привяжет, – сообщили два или три голоса с подоконника.

Через дверь слышно было, как Дементий поздоровался в сенях с шорником Буреломом, прозванным так за свой огромный рост и за огромную силу. Дементий говорил с шорником и не торопился заходить в контору. Бригадир посмотрел на свои часы в золотой оправе и на серебряном браслете, обтягивавшем крупную мужицкую, но уже слегка холеную руку, и попросил кого-нибудь из близко сидевших к двери позвать Дементия. Дементий, по всей вероятности, выпрашивал у Бурелома узду или новое седло. Даже после того как его позвали, он долго не входил.

Пастухи в Белой пади находились в привилегированном положении, но у Бурелома выпросить даже пустяковый ремешок было не так-то просто: без распоряжения бригадира никому ничего он не давал. Бригадир улыбнулся, поняв по голосам, доносившимся из сеней, как твердо стоит Бурелом на страже колхозного имущества.

Не переставая улыбаться, бригадир вылез из-за стола, по-хозяйски прошел мимо скамеек с мужиками, выглянул в сени и крикнул:

– Дядя Афанас! Дай пастухам все, что просят!

– А он ничего не просит, – широко развел лапищами Бурелом, будто собирался отдать пастуху все, что было у него в хомутарке.

– Я же слышу – просит, – сказал бригадир и засмеялся. – Ну и Бурелом!

Бурелом как будто не слышал бригадировых слов, ушел в глубь хомутарки, освещенной яркой электрической лампочкой, и принялся что-то разыскивать, раздвигая хомуты на стене то вправо, то влево. Дементий стоял и ждал.

– Не дает? – спросил бригадир и с интересом смотрел за Буреломом, который, расставив руки, медленно поворачивался в маленькой хомутарке и был похож на медведя в берлоге.

– Я у него два веревочных пута попросил, – отвечал бригадиру Дементий. – А видишь, сколько разговору? Одно, говорит, дам, а два – нету. Легче самому сделать, чем у него просить! Честное слово!

Бригадир засмеялся, довольный, что Бурелом не балует даже пастухов.

– Дементий Корнилович, зайди-ка, тебя полбригады мужиков ждет.

– Некогда, Степанович, коров надо гнать.

– Зайди-зайди.

– Что за собрание с утра?

– А мы быстро проведем! – ответил бригадир. – Ты председателем будешь! Твой заместитель уже выступил, теперь очередь за тобой!

– Шутишь над стариком?

– Сейчас разберемся, кто над кем шутит. Заходи, не стесняйся!

– Яков в конторе?

– Здесь.

– Понятно, что за собрание, – сказал Дементий. – Насчет Петра Ивановича?

– Какой ты догадливый!

Бригадир с Дементием зашли в контору.

– Ты, Степанович, со мной разговариваешь, будто я провинился перед тобой.

– Передо мной – это полбеда! – Бригадир, шедший впереди Дементия, остановился посреди конторы, повернулся к Дементию. – Ты перед всеми провинился!

– Как это так? – готовый рассердиться, спросил Дементий. – В чем я перед всеми провинился?

– Сейчас сядем, скажу.

Бригадир предложил Дементию место за столом, но тот отказался, объяснив свой отказ тем, что на подоконнике сидеть удобнее, и втиснулся между мужиками. Бросив суровый взгляд на Дементия, бригадир сел, наклонился над столом, как прежде, и, обращаясь ко всем, сказал:

– Про такие дела надо немедленно сообщать! А то ведь получается...

– Яков, – перебил бригадира Дементий, – ты рассказал, как было?

За Якова ответил бригадир:

– Он-то рассказал, а почему ты молчал?

– Петр Иванович просил не распространяться.

– Это ты, Дементий, брось, – не поверил бригадир. – Вокруг моего дома кто-то ночью ходит, а я буду из этого делать тайну?

– Кричать же не будешь?

– Ты знаешь, о чем я говорю?

– Один день ничего не решает, – сказал Дементий, поглубже садясь на подоконнике.

– Что значит «один день ничего не решает»?

– А то и значит, что ничего не решает. Я только вчера узнал от Петра Ивановича, что кто-то ходит около его дома.

Взгляд Дементия, устремленный на бригадира, говорил: вот так вот, товарищ бригадир, нападаешь, а толком не разобрался. Лицо Дементия багровеет.

Не собираясь извиняться перед Дементием, бригадир все так же строго спросил:

– Всего сколько дней прошло, как ты не с Петром Ивановичем говорил, а видел этого мужика?

– Сейчас посчитаю, – сказал Дементий. – Сегодня – одиннадцатый день. Если это только тот мужик... День совпадает. Как раз в эту ночь кто-то появился на огороде у Мезенцевых.

– Что хоть за мужик? – спросил бригадир. – Может, там и бояться-то некого?!

Дементий рассказал.

– Как же вы теперь пасти будете? – с самым серьезным видом спросил бригадир, взглянув на Якова, потом – на Дементия. – Он же смотрит за вами из-за каждого дерева! Вам теперь с печи нельзя слезать!

Мужики захохотали.

– Пушшай ходит, он же никого не трогат, – сказал Егор Кофтоногов, работавший в кузнице молотобойцем. Шутит Егор или говорит серьезно – не разберешь.

– Он у тебя, Егор, ночью-от проверит амбар, будешь знать!

– А то в избу залезет и уволокет вместе с Ольгой!

– Пушшай попробоват. – Егор хохочет. – Я сам кого хошь уволоку! Ребра пошшитаю!

Скоро мужики, обсуждая новость, разошлись из конторы. Кто – завтракать, кто – на работу.

Бригадир замкнул на амбарный замок дверь высокой перегородки в углу, за которой стоял телефон, отдал ключ сторожу и уехал куда-то на мотоцикле.

Пастухи выгоняли коров на час позже.

От деревенских баб им бы точно досталось, но сегодня никто не сказал ни слова. Коровы, до пастуха выгнанные на улицу, тревожно мычали, не понимая, почему нет стада и куда теперь идти.

Кто-нибудь, заслонившись ладошкой от солнца, поднявшегося на целый метр над Школьным лесом, подолгу смотрел вслед Дементию и Якову, потом уходил в ограду с таким озабоченным видом, будто что-то вспоминал, и пастухи догадывались: жители Белой пади знают, что дому учителя угрожает какая-то опасность.

Из школы доносится разноголосый беспорядочный крик – закончились уроки у второго и четвертого класса. По мере того как ученики выбегают из школьной ограды, беспорядочный крик сменяется сплошным победным воплем, и тогда кажется, что это наши войска штурмом взяли крепость.

Александра Васильевна подходит к окну, взглядом провожает орущих и толкающихся учеников. Она всегда, хотя бы на короткое время, подходит к окну и взглядывает на учеников, – и всегда от их шума и крика ей делается тревожно, и она задает себе один и тот же вопрос: почему дети орут и толкаются, когда идут из школы? Каждый из учеников выглядит очень сильным, неуступчивым, и она не понимает, как ее муж справляется с такой оравой.

Затем Александра Васильевна переходит к другому окну, оно меньше закрыто разросшейся черемухой и яблоней, в просветы между ветвями видны школьные ворота, из которых вот-вот должен появиться Петр Иванович.

Петра Ивановича, выходящего из ворот, не видно. Значит, сейчас он замыкает школу, и Александра Васильевна не спеша отходит от окна. Подумав, возвращается, снова прикидывает к окну, – увидела Петра Ивановича, вышедшего из ворот, замедлившего шаг и остановившегося: он с кем-то говорит, ветки мешают рассмотреть – с кем.

Она переходит к третьему окну, из которого видно собеседника Петра Ивановича – конюха Павла. Александра Васильевна пристально всматривается, старается угадать, о чем Павел говорит с ее мужем.

Устав смотреть, она идет в коридор, с полпути возвращается, решив, что лучше сначала достать из печи чугуна с борщом, чтоб остыл немного, а уж потом сходить за водой. Можно сказать Володе, он бы принес, но она освободила его от всех домашних дел: сиди читай что-нибудь, пиши. И, когда Володя сидит за столом, читает и пишет, это счастливейшие минуты для Александры Васильевны.

Александра Васильевна с грохотом перебирает ухваты, безошибочно находит в темной печи один и другой чугуны и, слегка коснувшись дном тяжелого чугуна о кирпичный под, с молниеносной быстротой ставит его на загнетку; другой чугуна, с драной картошкой, выхватывает еще быстрее и оставляет слегка выдвинутым из печи.

Петр Иванович, пройдя под окнами, скоро появляется на кухне. Спрашивает:

– Володи нет из школы?

– К колодцу пошел.

– А-а, хорошо! Сам пошел или посылала?

Александра Васильевна ответила, будто проглотила что-то кислое:

– Сам.

Володя вернулся от колодца, поставил ведро на кухне рядом с цинковым бачком. Мужики сели за стол друг напротив друга, ожидая каждый свою миску: Петр Иванович – большую, синюю, с облупившейся по краям эмалью; Володя – чуть поменьше, алюминиевую; Александра Васильевна поставила себе самую маленькую миску, тоже алюминиевую. Петр Иванович очистил две небольшие луковички и покрошил их над мисками.

– Поддай-ка еще луковичку! – сказал он Володе, успевшему поднести ко рту первую ложку с борщом, от которого шел горячий и вкусный пар. Очистил, положил рядом с деревянной большой солонкой, чтобы минут через пять – десять каждому покрошить еще луку.

Александра Васильевна посмотрела на свои руки, вымазанные в саже, хотела вымыть, но передумала: вытерла кое-как о передник и села за стол.

– Что тебе Павел сказал? – спросила она у Петра Ивановича, справлявшегося с борщом с такой быстротой, что было удивительно, как он не обжигался.

– Павел? – переспросил Петр Иванович, задерживая ложку в воздухе. Он дожевывал кусочек мяса, раз и другой зачерпнул из миски жидкого, запил, как будто у него во рту был не кусочек мяса, а лекарство, и сказал, сначала глядя в свою миску, потом на Александру Васильевну.

– Павел просит принять Варку уборщицей в школу.

– Чего она сама не скажет?

– Сердится на меня.

– За что?

– Думаешь, на меня не за что сердиться?

Александра Васильевна перестает есть, хмурится. Варка – третья из белопадских женщин, кто просится уборщицей в школу.

– Что ты ответил ему? – спрашивает Александра Васильевна и медленно начинает есть борщ, подставляя под ложку широкий кусок хлеба.

– Пока ничего.

– Варку возьми, – советует Александра Васильевна. – Детей у нее много.

Лицо Петра Ивановича принимает кислое, затем мучительное выражение, будто у него вот сейчас, за столом, разболелся зуб, который он давно собирался выдернуть, да все как-то не находилось времени.

– Чем Варка не подходит? – спрашивает Александра Васильевна, добавляя Петру Ивановичу и Володе горячего, не остывшего в чугуне борща.

– Есть одна загвоздка, – отвечает Петр Иванович, принимая из рук Александры Васильевны свою миску. – Ты представляешь: такое здание доверить пьяному человеку?

– Варка будет уборщицей, не Павел, – заступает Александра Васильевна.

Петр Иванович объясняет:

– Он же будет помогать ей: дров принести, воды, трубу закрыть... Уронит уголь или окурочек бросит – вот тебе и пожар. Что тогда будем делать?

– Поговори с Варкой, чтоб пьяного в школу не пускала.

– Как она его не пустит?

– Скажи Варке: увижу твоего мужика в школе пьяным – и тебя прогоню со школы.

– Я таких слов Варке не могу сказать. Она за Павла не ответчица.

– А кто за него ответчик?

– Я.

– Что ж это: один будешь за всех отвечать?

– Да, за всех. И за меня – все. Так и должно быть, а как ты думала?

– Что ты за всех, это я вижу. Только вот не все за тебя!

– За меня? Не было такой необходимости.

– Теперь-то есть.

– А что теперь?

– Ходит же кто-то...

– Пусть ходит на здоровье. Походит да перестанет.

– Когда это он перестанет? Я среди белого дня боюсь к колодцу сходить.

– По-моему, ничего опасного, – сказал Петр Иванович. – Это кто-то на нервы действует.

– Ты ж не знаешь, кто?

– Кто-то из белопадских, – сделал предположение Петр Иванович.

– Может, Павел ходит?

– Вот это уж ты подзагнула! Павел не пойдет.

– Почему не пойдет? Ты его из партии исключил?

– Из партии его исключили коммунисты. На это есть партийная организация. Рассказываю я тебе, рассказываю, а ты опять свое: ничего не понимаю. Исключили большинством голосов.

– Я не про то, – сказала Александра Васильевна. – По-моему, Павла исключил ты?

– Да, я поставил вопрос об исключении. Ну и что ты хочешь сказать?

– Вот он и ходит. Ты не смотри, что он вежливо с тобой разговаривает, что у него на уме, ты не знаешь. Он тебе будет говорить одно, а делать другое. А что ему: выпится за день – и ходит.

– Павел на меня не сердится. Если бы я не защищал, его бы еще раньше выгнали.

– Чужая душа – потемки, – сказала Александра Васильевна. – Ни за кого не ручайся.

– Не такие уж и потемки, – сказал Петр Иванович. – Я знаю, кто чем дышит.

– Ну, скажи, кто ходит? – Прищурился зеленоватые глаза, Александра Васильевна ждала ответа.

Петр Иванович бросил короткий взгляд на Володю, заканчивавшего обед и, кажется, не вникавшего в разговор отца с матерью. Боясь, что остынет борщ, Петр Иванович тоже взялся за ложку. Убедившись, что борщ не остыл, он отложил в сторону и ложку и кусок хлеба.

– Этого я пока сказать не могу, но кое-какие предположения имею. – Петр Иванович, спохватившись, взглянул на Володю и стал отправлять в рот ложку за ложкой.

– На кого ты думаешь? – Не дождавшись ответа, Александра Васильевна сказала: – По-моему, ходит с Ушканки.

Белая падь делится на три названия. Полдеревни, со школой, магазином, а до недавнего времени и с бригадной конторой, так и называется – Белая падь. От кузницы, расположенной в низине, близко к болоту, заулок, образовавшийся между двумя огородами. Пересекая Белую падь, заулок переходит в коротенькую Боковскую улицу, на которой в самом большом доме были ясли; теперь в этом доме каждую осень живут рабочие, приезжающие из города на уборку.

Белая падь далее состоит из одной дороги, по левую руку от которой, через пригорок, недалеко от реки стоит новенький клуб с кинобудкой, а по правую руку возвышается Пастухова гора. На горе сначала бросается в глаза узкое деревянное строение, напоминающее башню, в котором расположен артезианский колодец; рядом с колодцем – типовое здание молочной фермы, гараж, конный двор. Здесь же, на Пастуховой горе, новая бригадная контора.

Если не подниматься на Пастухову гору и пройти у ее подножья, то метров через сто пятьдесят или двести начнется улица Советская. Как и на Боковской, на этой улице не больше двенадцати домов. За ее огородами сразу же начинается лес.

Дальше, через падинку с невысыхающей лужей, Ушканка. С Советской улицы ушканских домов не видно: они скрыты лесом. Любили останавливаться на Ушканке цыгане. До недавнего времени подолгу у Фени Петровой жил старик, какой-то святой, ходивший по деревням с корзиной из широких лучин и собиравший милостыню. Не исключена возможность, что человек, наведывающийся по ночам к дому учителя, скрывается на Ушканке.

Александра Васильевна вздохнула: если кто-то ходит из белопадских, тогда ничего страшного – походит-походит да и перестанет. А если кто-то издалека? Она стала называть всех возможных врагов Петра Ивановича: перечислила семьи, которые помогал раскулачивать Петр Иванович, когда был секретарем сельсовета. Александра Васильевна сколько раз говорила: не вмешивайся, что колхоз хочет, то пусть и делает. Занимайся в школе с ребятами, а колхозники пусть хоть на головах ходят!

«Если делать так, как ты просишь, – говорил Петр Иванович, – то ничего не будет». – «Живи тише, – отвечала Александра Васильевна. – Что тебе, больше всех надо?» Петр Иванович стоял на своем: «Спокойно не жил и жить не собираюсь. Спокойно жить не дает всякая нечисть, и я буду ее вытравлять огненным мечом!»

И вот этих-то, сосланных и осужденных, Александра Васильевна больше всего боялась.

– Давно кости изгнили, – отозвался о некоторых из них Петр Иванович.

– Изгнили, изгнили, – рассердилась Александра Васильевна. – Откуда ты знаешь?

Ей было неприятно и страшно, что Петр Иванович так резко отзывался о сосланных и заключенных. Для Александры Васильевны это были такие же люди, как все, только они что-то натворили, и за это их строго наказали. Такое рассуждение Александры Васильевны Петру Ивановичу не понравилось, и он сказал:

– Думаешь, я не знаю, почему ты заступаешься за кулачье? Прекрасно знаю! Ты не обижайся, не складывай губы в трубочку, но я тебе еще раз скажу: ты выросла в кулацкой семье! Я помню, как твой отец косился на Советскую власть...

– Что вспоминать, что было за дедом-шведом, – обидевшись, сказала Александра Васильевна. Она не осталась в долгу и укорила Петра Ивановича за то, что он, когда ухаживал за ней, ходил в одних и тех же драных штанах.

Петр Иванович рассмеялся, и начавшийся острый разговор на этом прекратился. Он отклонился от стола и посмотрел на стенные часы в большой комнате.

– Слушай, старуха, я опоздал на урок!

– Не опоздал, – успокоила его Александра Васильевна. – Посмотри.

– Что смотреть, два часа!

– На минуту опоздаешь, кто тебе что скажет? Ты сам себе начальник.

– О не-ет, – сказал Петр Иванович, наспех ополаскивая руки под умывальником, – прежде всего дисциплина. Без дисциплины с этими гавриками не справишься!

Александра Васильевна еще сидела за столом, когда Петр Иванович захлопнул за собой двери и застучал ботинками в коридоре и на лестнице.

16

За двадцать четыре года учительской работы ни разу не было, чтобы свои отношения со взрослыми Петр Иванович перенес на детей. Даже в крайних случаях он не делал этого, и вдруг – раньше такого с ним не случалось – он стал приглядываться к лицам учеников тех родителей или родственников, с которыми у него были когда-то плохие отношения.

Собственно, плохих отношений у Петра Ивановича никогда ни с кем не было. По крайней мере, так считал Петр Иванович. Выходит, он в чем-то ошибся?.. За этой мыслью появилась другая: не покачнулся ли его авторитет, когда вся деревня узнала, что кто-то ходит по ночам около дома Петра Ивановича? Ученики слышат разговоры об учителе, и не все – конечно же, не все! – так уж переживают за Петра Ивановича. И вот это, думал он, можно увидеть на лицах учеников: вольно или невольно отблеск разговора о Петре Ивановиче промелькнет на чьем-нибудь лице...

Петру Ивановичу удалось справиться с собой, и он остался с учениками в прежних отношениях, и свое желание подсматривать за ними объяснил тем, что он уже не тот, что был, и что пора ему на пенсию.

Потом он подумал, что дети могут попасть после него к плохому учителю, и он подумал, что рано уходить на пенсию, что он проучит еще и два, и три года...

После того как Яков Горшков рассказал в бригадной конторе, что кто-то ходит по ночам около дома Мезенцевых, Петра Ивановича останавливали, спрашивали, правда ли и что он собирается делать.

Предложение бригадира – организовать около дома дежурство – Петр Иванович отклонил, сказав, что сам справится или, в крайнем случае, вызовет милицию.

– Ну, сам подумай, – говорил он бригадиру, – уборочная, люди работают, какое дежурство – им спать надо!

– Петр Иванович, в Белой пади, считай, половина мужиков – твои ученики! Неужели каждый из нас не сможет подежурить одну-две ночи?

– Во, слушай, что сделай! – предложил Петр Иванович. – Составляй наряд: ночь на огороде у Мезенцева отсидел – получай два трудодня! Правда, хорошо будет?!

Бригадир улыбнулся.

– Петр Иванович, вы в самом деле не боитесь?

– Нисколько.

– Все равно сегодня вечером добровольцев приведу! – весело сказал бригадир.

– Были уже!

– Когда?

– Вчера вечером.

– Дежурили?

– Нет. Я их отправил домой.

– Кто был?

– Сергей с Павлом. И сегодня еще двое заходили – Гошка с Семеном.

– Павел приходил?! – Бригадир засмеялся. – Да его этот, который ходит, раз пуганет, и Павел неделю штаны стирать будет! Трезвый хоть был?

– Трезвый.

– Не стал бы он дежурить, – нисколько не сомневаясь, сказал бригадир.

– Почему?

– Да ему выпить надо было! Я, Петр Иванович, не знаю, что с ним делать. Он мне всех коней заморил! Ну вот кем его заменить? Придется кого-то просить из стариков. Если бы, Петр Иванович, не вы, я бы вынес предложение исключить Павла из колхоза.

– Исключить? – Петр Иванович помолчал, как бы обдумывая бригадирово предложение, и сказал: – Если подходить со всей строгостью, то его надо судить! Кони хорошие только у пастухов да почтальона.

– Потому что сами кормят! – сказал Михаил, оглядывая широкий и зеленый школьный двор, посреди которого они стояли.

– Я об этом и говорю. Остальные кони, это никому не секрет, едва передвигают ногами.

– Да еще без хвостов, – невесело сказал бригадир.

– Это же он поотрезал хвосты девкам на голову? – спросил Петр Иванович, хотя уже и слышал об этом.

– Ну.

– Вот что мода делает! – Петр Иванович никак не мог взять в толк, зачем нужен шиньон, когда нет ничего лучше своих волос: пусть они будут хоть рыжие или красные, но свои! А то и себя уродуют, и кони без хвоста ходят.

– Хотел я его за эти хвосты оштрафовать трудодней на пятнадцать, чтоб знал! – одновременно и сердясь и улыбаясь, сказал Михаил. – Но на него это не действует! Хоть штрафуй, хоть не штрафуй...

– Действует, – сказал Петр Иванович. – На днях моей старухе жаловался.

– Тогда я его еще раз оштрафую! Глядишь, на пользу пойдет!

– Воздержись, – посоветовал Петр Иванович, воспринявший угрозу бригадира скорее как шутку. – Ты ж видишь, который день трезвый ходит. Попробуй-ка с ним как-нибудь еще поговорить? Он же мужик неплохой... И за дело вроде бы взялся: как-никак дом себе выстроил! Дежурить пришел ко мне, – после небольшой паузы проговорил Петр Иванович, как бы вспоминая, что еще хорошего сделал Павел.

– Говорил я с ним и ругался без счету раз. Если уж вы, Петр Иванович, не сумеете переубедить, тогда ему никто не поможет! У меня один вопрос к вам, Петр Иванович, – не глядя на учителя, сказал Михаил. – А то, может, болтают?

– Говори, слушаю.

Петр Иванович расправил плечи, отступил на шаг в сторону, чтобы стоять свободнее, и от этого казался теперь неприступным. Прищурился темно-синие большие глаза, он смотрел на бригадира, как будто старался угадать, о чем тот попросит его, и как будто заранее решал, отказать или не отказать в бригадировой просьбе.

– Правда, что Варка просилась в школу уборщицей?

По лицу бригадира Петр Иванович видел, что тот очень хотел, чтобы это оказалось неправдой.

– Был разговор, – ответил Петр Иванович и уже знал, о чем будет просить Михаил, и знал также, что он ответит ему.

Снова – это с бригадиром и раньше случалось – он почувствовал себя учеником Петра Ивановича и что ему, бригадиру, не двадцать восемь лет, а двенадцать, как было в четвертом классе. Так же, как и раньше, он почувствовал, что не может ничего требовать у своего бывшего учителя, а может только жаловаться ему, и он пожаловался.

– Если вы ее возьмете в школу уборщицей, тогда мне придется вместо Варки доить коров.

– Не придется, – подбадривающе сказал Петр Иванович, и пока что никак нельзя было понять, что у него на уме, – берет он Варку в уборщицы или не берет?

– Как не придется? – Михаил тоскливо и с надеждой взглянул на Петра Ивановича.

– А так, не придется! Я ей откажу. Хотя... – Петр Иванович поморщился. – Из трех женщин, которые просят в уборщицы, Варка подходит больше всех. Ее-то мне надо бы принять, ты понимаешь? Дети у нее маленькие, а яслей нет. И отдохнула бы... Поворочай-ка на ферме!

– Это-то конечно, – проговорил Михаил, довольный, что Петр Иванович так легко согласился. – Доярку бы я точно не нашел! Ну, кого?

– Знаю, некого, – сказал Петр Иванович, продолжая невесело о чем-то думать.

Перед тем как сесть и уехать на мотоцикле, бригадир вернулся к разговору, который он начинал с Петром Ивановичем, о дежурстве около дома. Петр Иванович снова отказался.

И бригадир поверил разговору, который шел по Белой пади. Разговор шел о том, что в конце августа, когда Петр Иванович ездил на конференцию, ему не то в райкоме, не то в милиции выдали пистолет... Шел и другой разговор: ни в райкоме партии, ни в милиции Петр Иванович не брал пистолета, что у него свой пистолет, подаренный ему в двадцатых годах, когда он служил в частях особого назначения, – гонялся за остатками банд в Белоруссии.

– Дома и Варка и Павел! – сообщила Александра Васильевна часа через два после того, как Петр Иванович, встретившись с бригадиром, пришел из школы. Он бросил на жену быстрый и недовольный взгляд! «Ну и что из того, что дома?»

Пока он сидел на кухне за столом, подперев рукой подбородок, Александра Васильевна смотрела в окно, старалась угадать, открыт магазин или нет.

– Что ты все смотришь в окно? – спросил Петр Иванович.

– Недаром смотрю. Может, схожу куплю чего?

– Нам ничего покупать не надо, – сказал Петр Иванович, – у нас все есть.

– Сходил бы к Аншуковым. Люди ждут.

– Ты меня просишь сходить к Аншуковым? Я тебе сказал свое мнение.

– Сходи-сходи.

– Что-то ты очень добрая стала.

– Я всегда такая была.

– Всегда-то всегда, сегодня ты чересчур добрая, тебе не кажется?

Александра Васильевна не считает, что так уж трудно устроить Варку уборщицей.

– Не нравится мне мой поход к Аншуковым, – отвечает Петр Иванович, начиная сердиться.

– Не нравится, не ходи, – с неожиданной решительностью сказала Александра Васильевна.

Дом Аншуковых рядом с домом Мезенцевых, почти напротив магазина. Петр Иванович пытается вспомнить, когда он последний раз был у Аншуковых. Оказывается, прошло лет пять. В ограде бывал, за водой ходил, когда чистил свой колодец, сидел на скамеечке с мужиками, а вот чтобы в дом зайти, этого давно не было.

Но тут надо разобраться: во-первых, свободного времени у Петра Ивановича нет; во-вторых, все, кому нужно, сами заходят к Петру Ивановичу.

Варка тоже нечасто заглядывала к Мезенцевым. Была несколько раз, но дальше порога не проходила. Возьмет что-нибудь у Александры Васильевны, о чем-нибудь спросит и, не успеешь оглянуться, нет Варки!

У Аншуковых два дома в ограде – старый и новый. Старый дом – низенький, из толстых бревен, с маленькими окнами – одним углом врос в землю, крыша зеленая, обомшелая. На окнах шторы, и кажется, что в доме живут. К новому Варкиному дому Петр Иванович еще не привык, дом по-настоящему и недостроен: прируб выведен наполовину, крыльцо – временное.

«Ни в чем нет порядка...» – оглядывая аншуковский двор, отмечает Петр Иванович. Все, что он видит перед собой, требует немедленного вмешательства. Новый дом с жиденьким, кое-как сколоченным крыльцом, Петр Иванович сравнивает со случайно забредшим на захламленный пустырь молодым человеком в новом костюме, в новой шляпе... «Вот только ботинок нет у молодого человека, пока что он в тапочках на босу ногу...»

Говорить с Павлом, чтобы привел двор в порядок, бесполезно, – так же, как говорить с ним о том, чтобы бросил пить. Павел из той породы людей, которых ничем не проймешь: ты ему говори, он будет слушать, а через пять минут забудет. Жители Белой пади год удивлялись, как это Павел умудрился себе дом поставить, и считали, что тут без влияния Петра Ивановича не обошлось. И сам Петр Иванович так считал, а иногда ему казалось: все, что он говорил Павлу, пролетает мимо его ушей. С таким размышлением Петр Иванович открывает дверь нового аншуковского дома.

Увидев огромного дяденьку, Варкины дети застеснялись, двое, самые младшие, юркнули поближе к матери и рассматривали Петра Ивановича из-за Варкиного подола.

– Что, не узнали, испугались! – сказала Варка как-то неестественно, через силу улыбаясь. – Подрастете, будете к нему в школу ходить. Он вам баловаться не даст, живо научит!

Ребята застеснялись еще больше. Петр Иванович смотрел на них, улыбаясь, зная, что этих-то двух ему уже не придется учить.

Из комнаты, прогрохотав стулом, в носках вышел Павел. Лицо заспанное, круглое, как шар.

– Придремнул маленько, – сказал Павел, протягивая Петру Ивановичу руку с коротенькими толстыми пальцами.

– На закате спать вредно, – сказал Петр Иванович и стал осматривать новую печь с плитой.

– А почему говорят – на закате спать вредно? – спросил Павел, рассматривая печь вместе с Петром Ивановичем.

– А ночь для чего?

Варка быстро заходит в комнату, смотрит на Павла, на Петра Ивановича, и снова – на Павла.

– Все ей мало, – жалуется Павел. – Дом выстроил. Конечно, не такой, как у вас, но в два раза больше старого. В чулане полкадушки сала... Хлеб есть, молоко есть, две свиношкы, кур полная ограда!

Варка стыдит Павла при чужом человеке:

– Половину сала ты за бутылку отдал!

Пошевеливая на коленях скрещенными пальцами, с черными от грязи ногтями, Павел улыбается:

– Так было.

Варка махнула рукой и ушла на кухню. Пристыдить Павла – дело безнадежное.

Петр Иванович оглядел стены, потолок, пол.

– Когда собираешься штукатурить и красить?

– Со временем хоть разорвись! – воскликнул Павел, изображая страшно занятого человека.

«Будешь так пить – и разорвешься!» – едва не сказал вслух Петр Иванович. Так думать Петр Иванович имел все основания: больше одной недели, чтобы не напиться, Павел не выдерживал. Его бы давно прогнали с конюхов, но кого поставишь? Прогонишь, а потом к нему же идти и кланяться?

Петр Иванович не верил, что водка сильнее человека. Пил же и он когда-то за компанию, а потом бросил. Он смотрел на Павла как на больного человека, но жалости к нему не было.

Идя к Аншуковым, Петр Иванович ожидал увидеть худшую картину. Недовольный и даже несчастный Варкин вид не соответствовал тому, что увидел Петр Иванович в доме Аншуковых. Видно, совсем недавно Варка купила огромный радиоприемник, он занимал чуть не половину стола, у Петра Ивановича, например, не было никакого радиоприемника – хватало репродуктора. Картина в рамке, тоже огромная и тоже новая, висела над кроватью. Чья была картина и что было на ней нарисовано, Петр Иванович не знал, что-то лесное; если смотреть дольше, что Петр Иванович и сделал, то картина начинает нравиться... Хорошие шторы на дверях и на окнах, диван-кровать, на которой валялась одежда детей и взрослых. Около диван-кровати стояла стиральная машина, как будто Павел или Варка нарочно поставили ее на самой дороге, чтобы все видели, что у Аншуковых есть стиральная машина. Петр Иванович мысленно сдвинул ее правее, в угол, там ее будет не видно... И картину бы повесил на другом месте, а то очень уж она низко висит над кроватью... Или от того, что дом новый, или Варка не умела, или ей некогда было, все эти и другие предметы не нашли еще своего места и крикливо бросались в глаза.

Пришла Варка, села с мужиками.

Сразу же, как только она села, ребятишки выбежали на улицу. Варка постучала в окно, чтобы они далеко не бегали.

Старших детей дома не было. Дочь и сын уехали в конце августа в город учиться, а еще одна дочь вместо матери ушла на ферму доить коров. Как двенадцатилетняя девочка, придя за пять километров из школы, справляется с такой тяжелой работой, Петру Ивановичу непонятно. Ну, было бы ей четырнадцать, пятнадцать лет...

– Пускай привыкает, – сказала Варка.

– Плохая привычка, – сказал Петр Иванович, взглядывая на Павла и давая этим понять, что здесь больше виноват Павел, а не Варка.

Павел даже глазом не моргнул: он ничего не видел предосудительного в том, что здоровая девочка поможет матери. Меньше бегать будет!

– Нас никто не жалел, – сказала Варка, и лицо ее покрылось белыми пятнами. Чего-то она недоговаривала, и эту недоговоренность Петр Иванович отнес на свой счет. Варка причесала перед зеркалом волосы, и все равно сидела какая-то взъерошенная, жиденькие косички с лентами, как у школьницы, едва скрывались за плечами. Несмотря на округлость форм, лицо у Варки сухое, жестковатое, взгляд недоверчивый, будто она ждет какого-то подвоха.

– Варвара Федоровна, Павел говорил, что ты хочешь работать уборщицей в школе.

– Правильно. – Павел кивает. – Правильно.

– А коров кто будет доить? Он? – Варка взглядом указывает на Павла.

– А что, думаешь, не подоил бы?! Забыла: ты как-то напилась, а я нашу Пеструху доил!

– Молчал бы, ботало колхозное!

Петру Ивановичу не нравится, что Варка повышает голос на Павла. Как-то так получается, что она одновременно повышает голос и на Петра Ивановича. И Павел хорош: зачем при постороннем человеке компрометировать жену?

Если спросить, сердится ли Варка на Петра Ивановича, она скажет – нет, потому что и в самом деле как будто давно не сердится, просто появляется в ней что-то такое, с чем она сладить не может, и тогда она сердится на себя и на других...

Варке жалко бросать денежную работу на ферме, и ребяташек одних страшно оставлять дома. Знает она и другое: бригадир ни за что не отпустит ее с фермы. Конечно, Петр Иванович все может: захочет – примет Варку, не захочет – не примет. Работать в школе уборщицей ей кажется каким-то праздником, вроде как получать деньги ни за что.

– Я его не просила говорить, – сказала Варка. Лицо ее опять покрылось белыми пятнами, сделалось жестким. – Культурным сделался! Пахнешь, говорит, кукурузным силосом, спасу нет! Переходи, говорит, работать в школу. Мне разве шестьдесят рублей хватит? Я каждый месяц двести зарабатываю, и то не знаю, куда деваются. Был бы мужик, как у других, а то он на одни штрафы работает, не домой, а из дому тянет. Убила бы!

Павел, задрав голову, слушает Варку, похохатывает.

Петр Иванович чувствует себя неловко, как будто его только что разыграли. Или это была затея одного Павла – устроить Варку уборщицей, или Варка пошла на попятную, чтобы показать, что она не нуждается в помощи Петра Ивановича, или понимает, что ее нечем заменить, и поэтому отказывается от легкой работы. Если верно последнее, то Варка вырастает в глазах Петра Ивановича, а Павел... Павел каким был, таким, видно, и остался...

Варка вышла на улицу посмотреть за ребяташками. Скоро с улицы раздаются плач кого-то из детей и быстрый сердитый голос Варки.

– Не слушаются, – сказал Павел.

Петр Иванович хотел сказать, что детей надо воспитывать, и он хотел сказать, как надо воспитывать, но вспомнил, что сам едва справился с Володей.

Раньше Петр Иванович говорил ему все напрямую. Теперь Павел был вроде как неподотчетен: захочет – будет слушать, не захочет – не будет. Но дело было не только в этом: Петр Иванович чувствовал, что примешивалось еще что-то, Павел и Варка стали как будто небрежнее к Петру Ивановичу... Варка так и не появлялась с улицы, и Павел сидел, зевая, как будто ждал, когда кончится этот ненужный разговор.

– Павел Дмитриевич, ты что, нарочно спрашивал насчет работы для Варки?

Павел как-то странно засмеялся, согнулся на стуле и начал разглядывать начищенные до блеска ботинки учителя.

– Шутил? – нисколько не сердясь, переспросил Петр Иванович и смотрел на Павла как на школьника, который не очень сильно напроказничал.

– Как вам сказать, Петр Иванович... Можно и так считать, и по-другому.

– Ну а как все-таки?

– Интересно было: примете или нет?

– Не принял бы.

– Почему?

– По двум причинам: вперед Варки просились две женщины, а вторую причину ты знаешь, она будет поважнее первой: некому коров доить.

– Мы все-таки соседи, – сказал Павел.

– Расстояние тут ни при чем, – сказал Петр Иванович.

– Ну что? – спросила Александра Васильевна, когда Петр Иванович пришел домой. – Отдал ключ от школы?

- А я его и не брал.
- Хорошо поговорил?
- Хорошо.
- Теперь знаешь, к кому надо сходить?
- К кому? – устало садясь на кровать, будто он перед этим дрова пилил, а не ходил говорить, спросил Петр Иванович. – Что ты еще придумала? Никуда я больше идти не собираюсь.
- Я ж не говорю, что сегодня.
- И завтра никуда не пойду.
- Сходи к Лоховым.
- Зачем?
- Дементий расскажет что-нибудь. Может, что-нибудь знает?
- Сам придет.
- Это ж не ему, а нам надо.
- Мне это не надо, – сказал Петр Иванович. – Пусть этот человек или нечистая сила стоит на огороде день и ночь!
- Ишь ты, храбрый какой. Что толку от твоей храбрости.
- А какой тебе толк нужен?
- Надо же что-то делать.
- Я же сказал: ничего делать не надо. Меня никто не тронет.
- И ты такой же, как все, не надо хвалиться.
- Такой, да не такой. Меня, как пескаря, на удочку не поймает!
- Ну, ладно, не такой, – согласилась Александра Васильевна, зная, что Петра Ивановича ей не переспорить.

17

Весь следующий день Петр Иванович думал: надо ли было ходить к Аншуковым?

Ему казалось, что он свалился с какой-то высоты, вроде бы опять стоит на месте, но что-то не так, что-то нарушено, и ничего нельзя исправить, и нет виновного. Александра Васильевна? Если бы сам Петр Иванович не захотел и не пошел, то его бы никто не заставил. Получилось, что он чего-то дрогнул, испугался, – и сделал доброе дело, то есть хотел сделать доброе дело.

Все выглядело по-другому, если бы не было этого чертового случая с чьим-то ночным хождением... Но разве мало добрых дел было за Петром Ивановичем до этого случая? Разве его жизнь не состояла из непрерывающейся цепи добрых дел?

Петр Иванович никак не мог согласиться, что он где-то ошибся, потому что в первую очередь о себе никогда не думал. Он мог ошибиться для себя, то есть сделать плохо себе, но не другому. И тогда он подумал: если сделал плохо себе, то каким-нибудь образом не делаешь ли плохо и другому? Но уж настолько плохо Петр Иванович и себе ничего особенного не делал!

В основном довольный своей жизнью, он собирался пойти на пенсию и пожить чуть-чуть спокойнее, даже попробовать при более спокойной жизни еще раз проанализировать пройденный путь, найти в нем немало интереснейших дней, которые складываются в целые годы, и, так сказать, пожить приятными воспоминаниями, рассказывая о них молодым людям.

Ни в какую спокойную жизнь даже на пенсии Петр Иванович не верил – не тот он был человек! – но почему было не помечтать о спокойной жизни? Всегда, как бы ты ни устал, найдется какая-нибудь работа, и никогда у Петра Ивановича не портилось от работы настроение, потому что жизнь для него составлялась из работы – и больше не из чего.

Петр Иванович ожидал под старость еще большего уважения к себе не только со стороны окружающих, но и со стороны себя, потому что если не уважать себя, то как же ты сможешь уважать других?

И вот кто-то делал так, чтобы Петра Ивановича меньше уважали и окружающие, и сам Петр Иванович!

Правда, тут могло быть и обратное: все это могло сыграть и на пользу Петру Ивановичу, в смысле его авторитета, что вот ему угрожают, а не кому-нибудь. Но лучше бы Петр Иванович обошелся без шумихи, без такого заострения внимания на своей персоне.

Он и в самом деле не верил, что с ним может что-то случиться. Всей своей жизнью, казалось ему, он доказал, что теперь он неприкосновенен. Если коснуться Петра Ивановича, поднять на него руку, то это означало поднять руку на нечто более крупное, чем Петр Иванович, на нечто гораздо большее, и что сразу же после этого наступит возмездие. И если Петру Ивановичу засуетиться, выказать волнение и прочее-прочее, то это значит подвергнуть сомнению всю внушительность фигуры и Петра Ивановича и того, что стоит за ним.

Так чувствовал и понимал Петр Иванович создавшуюся ситуацию. Он был уверен, что так же или почти так понимают это и все жители Белой пади и никто сильно не волнуется, не переживает за Петра Ивановича, потому что знают, что тронуть его не так-то просто.

Петру Ивановичу достаточно снять телефонную трубку, позвонить, и приедут из района. Но Петр Иванович против этого, он уверен, что не нужно никакой помощи, потому что справляться не с чем, ловить как будто некого и как будто нет никакого человека, а есть лишь привидение, жалкий отзвук, а может, и совсем пустяк – чья-нибудь шутка.

Вечером, припозднившись, Володя Мезенцев и Коля Лохов возвращались с Ушканки.

Вечерки (если это можно назвать вечерками, когда собирается мало-мальски взрослых парней человек пять, чуть побольше девчонок и в основном малышня, которая путается под ногами и только мешает) за последние годы переместились на Боковскую улицу, на Советскую и даже на Ушканку. Причин для этого несколько: бригадная контора со всеми хозяйственными постройками была теперь на Пастуховой горе, между Боковской и Советской улицами; новый клуб, ему лет семь, расположен в бывшей поскотине около реки напротив Пастуховой горы, с той же Ушканки до него ближе, чем с Белой пади; и как-то так получилось, что учеников теперь на Бокове и на Ушканке больше, чем в Белой пади, поэтому, хочешь не хочешь, а приходится признавать, что на Бокове и на Ушканке теперь веселее.

Дойдя до Боковы, Володя с Колей свернули по проулку к кузнице, перелезли через изгородь и пошли по задам домой. С утра пролил дождь, идти по деревне и месить грязь им не хотелось, а потом, пока идешь по мокрой траве и лужам, заодно и сапоги вымоешь.

Как только ребята перелезли изгородь у кузницы, сразу же перестали разговаривать и всю дорогу до самого огорода Мезенцевых шли молча. Как-то особенно на них действовала темнота у реки и у огородов, более острые запахи, близкие, где-то совсем рядом, голоса птиц и вздохи леса, плотной стеной стоявшего за болотом. Вскрикивала какая-то птица на той стороне реки, а может, этот крик доносился из леса... Ночью голоса звучали не так, как днем, было в них что-то спокойно-дремотно-затаенное... Угрожающе стрекотал барашек, вскрикивая длинно и разряжающе, когда терял высоту и набирал ее снова.

Перед тем как перелезть около бани через разбирающиеся воротца, Володя шепотом попросил Колю не разговаривать. Они бесшумно перелезли воротца, две верхние доски которых были кем-то опущены. Кто это мог сделать? Мезенцевы никогда так не оставляли на ночь воротца. Ребята старались идти только по тропинке, чтобы не хрустела старая скошенная трава. Поднявшись от колодца на гору, они увидели стоявшего на тропинке человека. Ребята упали на землю и несколько секунд смотрели на человека, стоявшего очень близко к воротам и смотревшего на дом. В доме света не было, и человек показался страшным.

«Это он!» – догадались Володя и Коля. Надо было что-то делать...

Если бы человек вдруг повернулся и пошел в сторону ребят, они бы на него напали. Пока боролись, успели бы крикнуть Петра Ивановича – близко, Петр Иванович обязательно бы услышал и прибежал.

Человек продолжал стоять.

Ребята отползли назад. Когда человека не стало видно за пригорком, они поднялись и от колодца, низко пригнувшись, отступили к бане и в ее тени разогнулись. Надо было срочно вооружиться. Володя шепотом попросил Колю подождать, а сам, неслышно открыв двери в баню, осторожно нашарил в углу за бочкой железины, которые, раскалив докрасна в каменке, Мезенцевы бросали в бочку, чтобы сделать горячее воду. «Если такой железиной стукнуть человека по голове, должен свалиться», – подумал Володя.

– Держи, – шепотом сказал он Коле, найдя его на том же месте. Коля ощупал железину.

– Длинная – хорошо!

Он двинулся вверх по тропинке, лег и пополз. Володя – за ним. Ползли с остановками, прислушиваясь, вглядываясь в темноту. Тропинка была грязная и скользкая. Малейший шорох – и ребята замирали. Им казалось: или человек неожиданно вынырнет из темноты и они столкнутся, или его и след давно простыл.

– Стоит, гад, – повернувшись, шепнул Коля. – На том же месте, видишь?

– Прирос, что ли, – еще тише прошептал Володя. – Может, это так что-нибудь?

– Долбанет из ружья, будет тебе так, – ответил Коля, не спуская глаз с человека, который с каждой секундой делался для них страшнее.

Около бани они договорились: подползти как можно ближе и нападать разом – железинами по голове, чтоб свалился. Кроме ружья у него может оказаться нож, чуть прошляпишь, не справишься.

«Давай», – жестом сказал Коля, и они продвинулись по-пластунски еще метров пять.

Володя помнил, как отец строго-настрого приказал не предпринимать без него никаких решительных действий. Он тронул Колю за рукав.

– А если за ружьем сбежать?

– Уйдет.

– Сбегай, а я посмотрю за ним.

– Ты что, одному оставаться... Посмотри, какой высоченный.

– Ничего, – подбадривал себя Володя.

Они доползли до картошки. Теперь подкрадываться было труднее; ботва начала засыхать, ее чуть заденешь – и выдашь себя! Здесь лучше всего подняться, не задевая картофельных кустов, подойти и ударить...

Коля расправил руку с железиной и начал подниматься, готовый в любое мгновение бесшумно упасть на землю. Володя заставил его лечь.

«Чего ты?» – сделал недовольное движение Коля. Володя коротким взмахом руки показал: назад!

Через минуту они были внизу. Так же бесшумно перелезли через воротца в поскотину, прошли немного шагом и, считая, что теперь будет неслышно, побежали вдоль Нюриного огорода к мосту. С разбегу перескочили толстую сосновую изгородь, зигзагом идущую от Нюриного огорода к самой воде. Чуть-чуть отдышавшись, ребята снова бросились бежать по проулку в гору.

Дом Лоховых через дорогу смотрит в проулок. Володя с Колей хотели проскочить в калитку, которая всегда была открыта, но на этот раз оказалась запертой. Калитка закрывалась на веревочную петлю, которая два-три раза наматывалась на толстый гвоздь. Коля сильно толкнул калитку, петля натянулась, и он никак не мог сразу сбросить ее с гвоздя. Тогда он подтянулся на руках и перескочил через калитку. Володя сделал то же самое. Гуран у Лоховых

поднял страшный лай, ему отозвались собаки в соседних дворах. Прыгая через калитку, Коля с Володей чуть не сбили с ног Дементия.

– Чего тебя нечистая сила носит? – рассерженно крикнул Дементий. – Вам что, ворот нету?

Гуран узнал ребят, виновато крутнул хвостом и ушел на свое место. Соседские собаки никак не могли успокоиться, и ребята пожалели, что прыгали через калитку. Своим лаем собаки могли спугнуть человека.

– Батя, дай скорее ружье, – сказал Коля. Он хотел проскочить в избу и взять ружье, но отец остановил его.

– Зачем тебе ружье в такое время?

– Мы видели этого!

– Кого?

– Который ходит у Мезенцевых! Он еще не ушел! На огороде стоит!

– Скорее, – попросил Володя.

– Чего же ты стоишь? – накинулся на Колю Дементий. – Он ждать не будет!

Коля вмиг очутился на крыльце и почти сразу же открыл двери в избу.

– И ты видел? – спросил у Володи Дементий. – Или вам показалось?

– Видел. Мы к нему близко подползли.

– Какой он был, не разглядели? – спросил Дементий. – С ружьем, без ружья?

– Только видно, что человек стоит.

– То-то и оно, что ночь темная, – сказал Дементий. – Добегаетесь!

Выскочил из сеней Коля, шумно спрыгнул с крыльца.

Почувяв запах ружей, появился Гуран. По разговору и поведению хозяев Гуран понял, что хотят обойтись без него, и снова ушел на свое место.

Поднялась с постели и, как была в ночной рубашке, вышла на крыльцо Арина.

– Куда это вы?

Услышала, как говорил Дементий:

– Идите в ограду, только чтоб он вас не услышал и не увидел. А я побегу снизу, от моста. Кричите, если что. Я крикну – бегите ко мне.

И Дементий с ребятами растворились в темноте.

Гуран пробежался по ограде, тоскливо взлаял – обиделся, что его не взяли с собой. Больше не слышала Арина ни одного звука, как будто все это приснилось ей. Но не было дома ни Дементия, ни Коли, не было на стене ружей, значит, случилось что-то у Мезенцевых. Ей сделалось страшно, и она зажгла свет.

Ребята в ограду не пошли, как просил Дементий, а перелезли через тын около амбара. Если человек, как в тот раз, вздумает спрятаться за штабелем, то он никуда не уйдет: вдоль амбара и прясла хорошо подкрадываться к штабелю. Лучшего наблюдательного пункта не придумаешь: от угла амбара просматривается дом, вся ограда и огород около дома. А через калитку идти – скрипнул, чуть-чуть звякнул, и все пропало – уйдет!

Через тын, между Нюриным сараем и амбаром Мезенцевых, ребята лазили часто, помнили, как расположена каждая тынина, и перелезли в темноте так же бесшумно и ловко, как бы они сделали это днем.

Между стеной сарая и амбаром темень, хоть глаз коли, идти даже с ружьем со взведенными курками не очень-то приятно. Ружье у Коли, у Володи – половинка кирпича, которую он подобрал около рассадника.

За воротами, на том месте, где стоял человек, никого не было.

Может, он стоит на террасе и ждет, когда кто-нибудь из Мезенцевых пойдет на улицу? Или он слышал, когда они бежали по проулку? Скорее всего, он испугался лая собак... Зря они поторопились и стали прыгать через калитку! Не залаял бы Гуран, и все было бы тихо,

все бы шло по-другому... Они пожалели, что бегали за ружьем. Виноват будет Володя, что они, можно сказать, из рук, выпустили того, кто стоял на тропинке. Сейчас бы связанный, с окровавленной головой...

– Слышишь? – прошептал Коля. – Кто-то крадется около Ньюрино тына.

– И я слышу, – шепнул Володя. – Не стреляй, пока вплотную не подойдет.

Кто-то шел и остановился. Коля забыл, в котором стволе жакан, а в котором – картечь. Картечью можно и дальше стрелять в потемках, хоть одна да попадет, а пулей запросто промахнуться. И он решил ждать, когда человек подойдет ближе, хотя и так было близко.

Человек постоял, послушал, не обнаружил ничего опасного и стал приближаться к ребятам.

Он!

Теперь главное – не упустить его!

У Коли занемела рука, и он дал ей отдохнуть.

– К нам идет! – не то со страхом, не то с радостью прошептал он, беря ружье наизготовку.

– Вверх стреляй, – попросил Володя.

По отдаче ружья и по страшному гулу Коля понял, что в правом стволе был жакан. Кто-то упал. Из темноты от Ньюрино тына раздался голос:

– Я тебе постреляю!

– Батя, ты?!

– Я.

– Что-то голос не похож, – сказал Коля, продолжая держать палец на взведенном курке.

– Как это непохож! – рассердился Дементий, шагая по покосу. – Что за стрельба, что вы себе думаете?!

– Правда, отец, – сказал Коля и ждал, что теперь будет. Курок так и оставался взведенный. Во втором стволе была картечь. Тяжело дыша, Дементий вынырнул из темноты. Коля невольно сжался, ожидая оплеуху от отца.

– Придем домой, я тебе покажу голос, – пообещал Дементий. – Ты у меня дома попляшешь!

– Откуда я мог знать, что ты так быстро прибежишь? Ты, как молодой, быстрее нас!

– Будет тебе и молодой и старый!

Коля почувствовал, как по всему телу поползли холодные мурашки: если бы не Володя, то он точно бы не обвысил, а стрелял бы в отца.

– Ты как успел? – не понимал Коля. – По Ньюриному огороду срезал?

– Что ж я буду идти кругом и ждать, когда он тут вас обоих положит? Конечно, мне надо было идти понизу. Я сразу не подумал, что от вас всего можно ждать. Если кто был, его теперь с собаками не найдешь. Вверх стрелял? – спросил Дементий, все еще не веря, что так легко отделался. – Скажи, не бойся?

– Вверх.

– Дурак! – снова закипел Дементий.

– Я же не знал, что ты не пойдешь понизу. Надо предупреждать.

– Все равно дурак. Чего вас на огород понесло?

– Думаешь, из ограды было бы не слышно, как ты идешь, шерaborишься.

Ребята от неожиданности вздрогнули, когда рядом, из-за штабеля, раздался голос:

– Что за люди?

– Свои, Петр Иванович! – отозвался Дементий.

– По какому случаю пальбу открыли? Перепугали мою старуху. Володя здесь?

– Здесь, – отозвался Володя.

– Иди домой.

Володя, не говоря ни слова, перелез через прясло в ограду.

Через несколько секунд ярко вспыхнули окна в доме. И как только загорелся свет в окнах, в одном из них упала приподнятая штора, и в исчезающем просвете мелькнули лицо и рука Александры Васильевны.

– Петр Иванович, дело серьезное, – начал рассказывать Дементий, перелезая через прясло в ограду. – Ребята только что видели этого человека! На тропинке стоял, напротив дома. Это ж они по мне стреляли, сукины дети!

– Что-то я ничего не пойму, – сказал Петр Иванович. – Вы в кого-то стреляли или в вас кто-то?

– Все было! – сказал Дементий с такой значительностью, будто около дома Мезенцевых произошло целое сражение, которым командовал Дементий и которое он только что проиграл. – Не видел снайпера, посмотри! – Он указал на Колю, стоявшего в двух шагах с ружьем за плечами. – Это ж надо додуматься – в отца палить!

– Я же не нарочно, – ответил Коля. – Мы хотела лучше сделать, я не думал, что это ты крадешься.

– Без нас лучше не сделаете, – сказал Петр Иванович, пока еще не понявший толком, что произошло, но догадывавшийся: видимо, едва не случилось то, чего он боялся и о чем все время предупреждал Володю. – Где вы столько были? – спросил Петр Иванович у Коли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.